Марина Эльденберт
Заклятые супруги
ЗОЛОТАЯ МГЛА
16+

Марина Эльденберт

Заклятые супруги. Золотая мгла

Серия «Леди Энгерии», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67677702
SelfPub; 2022

Аннотация

Можно ли доверять мужчине, который обманом привязал тебя к себе? Мой ответ – нет. Скрепленный древним заклинанием брак не расторгнуть без согласия супруга, но его не пугает ни моя ненависть, ни моя сила, темная и опасная магия смерти. Граф де Ларне не остановится ни перед чем, чтобы меня получить, вот только что ему нужно на самом деле?

Первый роман серии «Заклятые супруги».

Содержание

Пролог 4
1 12
2 22
3 32
4 43
5 56
6 68
7 79
8 89
9 100
10 115
11 126
Конец ознакомительного фрагмента. 131

Марина Эльденберт
Заклятые супруги. Золотая мгла

Читателям с Lit-Era, которые были с нами от пролога и до последней точки

Пролог

Все нормальные леди ночью спят, а я на башню топаю. Благо что мне до нормальности далеко, до леди – еще дальше.

«Для гадания необходимо уединение».

В Мортенхэйме можно часами гулять и никого не встретить. Наверное, подошла бы спальня, Зеленая гостиная или библиотека. Там никто не потревожит: особенно ночью, особенно меня. Но я привыкла все делать на совесть.

«Нужно подняться как можно выше».

Насколько выше в журнале не уточнялось, но Северная башня – самая высокая точка родового замка. Раньше здесь обитали дозорные, которые предупреждали о появлении врага, теперь это просто придаток истории Мортенхэйма, сюда даже слуги не заглядывают.

Я плотнее закуталась в шаль, считая ступени узкой винтовой лестницы. Ветер бился о камни, завывал в стенах. Слуги искренне верят, что это дух одного из воинов: якобы он шагнул с башни из-за безответной любви к какой-то жестокосердной деве нашего рода. Полная чушь! Во-первых, свалился он с перепоя на победном пиру и по недосмотру товарищей, а во-вторых, в этой части замка нет призраков. То ли дело подземелья, где предки знатно повеселились с пленными.

«Необходимы пять элементов: вода, огонь, металл, земля и воздух».

Воздуха тут хватает, так что совет «приоткрыть окно, чтобы свежий ветер коснулся ваших волос» – лишний. Сквозняк забирался под подол ночной рубашки и халата, неприятно щипал ступни: чулки я не надела, вот и расплачивалась за спешку. Хорошо хоть хватило ума взять масляную лампу, а не свечу: иначе один из элементов, то есть огонь, я бы потеряла по дороге. Остальные благополучно покоились в корзине.

Интересно, сколько здесь ступенек? Моя тень ползла по стене, с каждым поворотом все медленнее, искажаясь на островках плесени и щербатых выбоинах. На голову то и дело сыпалась пыль и паутина. Лестница обрывалась массивной проржавевшей дверью. Я толкнула ее раза четыре, последний – с упором ногами в стенку – благо коридор здесь узкий. Только после этого она с противным скрежетом подда-

лась, пропуская меня на залитую лунным светом просторную круглую площадку. С каменных насестов с громким карканьем сорвалась стая ворон, в лицо ударил прохладный весенний ветер, взметнул ворох сухих веточек и листьев. Если бы не условие о тайне гадания, заставила бы вычистить здесь все к моему приходу.

«Выложите четыре элемента, как указано на картинке».

Журнал сестры я не захватила, но за неделю успела выучить обряд наизусть, поэтому осторожно постелила одеяло, присела на колени и поставила лампу на пол, подожгла от нее свечу.

«Каждый элемент символизирует сторону света».

Свеча на юг, фляга с водой на север, пригоршня земли на запад и булавка – на восток, а посередине глубокая глиняная тарелка.

«Вам понадобится шелковый платок, на котором алыми нитками необходимо вышить инициалы джентльмена, в которого вы влюблены».

Влюблена – в моем случае слишком сильное слово. Хотя может быть и влюблена, просто точно не знаю, как это проявляется. Именно влюбленность, а не глубокая симпатия. Кто-то говорит о желании летать, кто-то – о желании целоваться. Летать мне не хотелось, а при мыслях о поцелуе к щекам приливала кровь. Все равно отступать уже поздно. Я вытащила из корзины злосчастный белый шелк. С вышиванием у меня не сложилось, впрочем, как и с музицированием, пе-

нием и живописью, но ради гадания я потратила неделю, извела три платка и все-таки закончила две буквы.

«Окропите платок красным вином – символом крови».

Да уж, если использовать кровь, могут возникнуть неприятности. Магия на крови в современном обществе вне закона. Как будто большинство моих современниц способно наслать на джентльмена что-то посильнее икоты. Я – исключение, но об это мало кто знает.

Я положила платок на тарелку, щедро залила его вином: рука дрогнула. Темно-красные кляксы расплылись на шелке, совсем не похожие на кровь. Я всю неделю спала с платком под подушкой, а днем носила на груди, поближе к сердцу. Расставаться с ним было даже как-то печально, но того требовало гадание.

«Нужно трижды повторить фразу, а после поджечь шелк».

Я прокашлялась и прошептала:

– Как догорит платок, узнаю кто моя судьба.

Кажется, я начала понимать, почему для гадания необходимо уединение. Так по-идиотски я себя не чувствовала уже очень давно. Как по куску сожженного шелка можно определить, ответит ли мужчина на твои чувства?

По площадке пробежал порыв ветра, едва не загасив свечу, и я пересела поближе к ней.

– Как догорит платок, узнаю кто моя судьба, – повторила я.

Хорошо хоть меня никто не видит. Правда, мне достаточ-

но того, что себя вижу я. Ужас. Кошмар. Позорище.

Просто этот треклятый журнал Лави попался на глаза не в самый удачный момент. Я сомневалась, стоит ли мне ехать на новый сезон – все-таки старая дева, пусть и сестра герцога, не самая желанная гостья на празднике жизни. Мне нужна была существенная причина, чтобы поехать, а причина у меня всего одна, и имя ей – Альберт Фрай. Лучший друг моего брата и единственный мужчина, с которым у меня может получиться что-то серьезное.

«Держите ткань над свечой, а потом соберите пепел в чашу и рассмотрите содержимое».

Надеюсь, сестре не придет в голову забраться сюда для того же самого? Впрочем, маловероятно. Это гадание на определенного человека, а Лави совсем юная, ей еще только предстоит выход в свет и знакомства. К тому же, она бы точно выбрала место потеплее и почище, более достойное для леди. Если бы поверила в такие глупости. Кто в них вообще верит, кроме создателей журнала?

Одна идиотка по имени Тереза.

Нет, если уж делать глупости, то делать их до конца. Я решительно взяла платок, громко произнесла:

– Как догорит платок, узнаю кто моя судьба, – и подожгла его.

Пламя свечи лениво лизнуло ткань, завоняло паленой шерстью, и платок начал медленно тлеть. Слишком медленно, наверное, из-за перебора с кровью. То есть с вином. У

меня даже пальцы от усердия занемели. Шелк отказывался обращаться в прах, отчаянно цеплялся за жизнь, но все-таки зашелся, и я бросила его в миску. Плоды моих сердечных усилий медленно, но верно обращались в пепел.

«Два кольца означают скорое замужество, одно – долгие хлопоты с помолвкой, кошка – серьезная соперница, а крест – смерть», – объяснялось в журнале. Правда не уточнялось, чья.

«Возможно и сочетание знаков».

В этом случае, может статься, смерть серьезной соперницы. Зависит от характера гадающей леди.

Насытившись, пламя сжалось до крохотного тлеющего огонька, который спустя минуту исчез. Я отчаянно пыталась рассмотреть в темной массе хоть какие-нибудь знаки судьбы, но это были просто комки сгоревшей ткани. Интересно, что означает куча вонючей грязи? Жизнь в забвении? Я на всякий случай покрутила миску. Тщетно! Здесь были только мы с луной: никаких кошек, крестов и колец. Ну а чего, собственно говоря, ожидать от дурацкой гадалки?

Я поднялась и подошла к краю башни, и ветер не замедлил швырнуть мне на лицо прядь волос. Владения брата раскинулись на десятки тысяч акров – бескрайние просторы, среди которых бьется каменное сердце – Мортенхэйм. Скоро в замке появится новая хозяйка, Лавиния точно не засидится в девушках – отбоя от женихов у нее наверняка не будет, а я останусь здесь на правах бедной родственницы, и все ста-

нут меня жалеть. Все начнется с шепотков и опущенных глаз прислуги, с попыток сделать мою жизнь чуточку слаще милыми никчемными комплиментами, чуть позже перекинется на матушку, на брата, и на всех остальных. А потом – рано или поздно – эта жалость меня убьет.

Я резко развернулась и пинком ноги отправила миску с пеплом в стену. Жалобно звякнув, она перевернулась, содержимое развеялось по ветру. Туда ему и дорога! За ней полетела свеча, лампа плеснула о камни стеклянной крошкой с раскаленным маслом – и потухла.

К демонам гадания! Все, что мне нужно – истинная магия. Земля, камень и кровь. Кровь некромага, то есть моя.

Я снова опустилась на колени, стряхнула горстку земли с покрывала прямо на площадку и вонзила в палец булавку. Воздух сгустился, ощутимо похолодало – но на самом деле я просто ушла за грань жизни. Цвета поблекли, растворились, стихли все звуки, выступившая на пальце кровь была светло-серой. Магия струилась, текла сквозь меня и внутри с каждым глухим ударом сердца, заходящимся в упоении. Как же редко я могу себе это позволить!

Я чертила на камне вокруг земли узор заклятия армалов – винехейш, позволяющий заглянуть в будущее и увидеть знак. С могуществом пророческого начертания опасались связываться даже правители древности – сил оно отнимало немерено, а даровало не всегда приятные предсказания. Заглянуть в будущее сложно, но гораздо сложнее распорядить-

ся этим знанием. Может статься, у меня вообще ничего не получится.

Я отшвырнула трусливую мысль брезгливо, как дохлую мышь.

Стоило замкнуть узор каплей крови по центру, как его охватило пепельное сияние. Черная крошка зашевелилась, как муравьиный рой, я же чувствовала льющуюся через меня силу. Запретную, яростную, могущественную. Палец пульсировал, кровь в жилах кипела, заставляя задыхаться от восторга. Земля собралась в перевернутую петлю с расходящимися от нее лучами – крест армалов, означающий гибель и возрождение, под ним вязью из крови растеклись в два круга странные символы – чудные, незнакомые. А чуть ниже сложились четкие инициалы, с которыми я так мучилась во время вышивки.

А.Ф.

1

– Вы такая красавица!

Миссис Ходжинс широко улыбнулась – невысокая, худенькая, светловолосая. Она отступила в сторону, пряча булавки в карман передника и позволяя мне полюбоваться собой.

– Гм.

Я перехватила укоризненный взгляд Луизы и вернулась к созерцанию себя любимой в зеркале. Шелк мягко переливался в свете газовых ламп, даже отделка темным кружевом вдоль лифа, на талии и на юбке слегка поблескивала. Должно быть, какие-то новые нити, я не особо разбираюсь. Ну вот зачем, зачем я поддалась на уговоры и заказала это изумрудное платье с открытыми плечами, да еще и глубоким декольте? Несмотря на достаточно строгий цвет, выглядит слишком откровенно. Вряд ли уместно появляться в таком на публике, когда тебе двадцать семь, а ты не замужем.

Портниха смотрела на меня вопросительно, я же пожала плечами. До первого бала еще несколько дней, можно попробовать все исправить.

– Недурно, но…

– Элизабет, вы не могли бы принести воды? – Луиза замахала веером так, что меня только чудом не сдуло, мягко сжала руку мастерицы. – Здесь так жарко, просто дышать нечем.

Я сейчас упаду в обморок…

– Конечно, леди Луиза! Минуточку!

Вот… актриса!

Стоило миссис Ходжинс выйти за дверь, как она повернулась ко мне. Глаза засверкали что бриллианты в кольце, которое брат подарил ей на помолвку.

– Я не позволю вам уродовать платье!

– Не вам его носить!

– Вы обещали следовать моим советам, – медовый голосок, – помните?

Иногда мне хочется ее убить! Полгода назад это была даже не метафора, но тогда я считала, что она причиняет Винсенту только боль. Да, я ошибалась, такое бывает, но не стоит ворошить прошлое. Я действительно обещала следовать ее наставлениям, и кажется, у меня даже начало получаться: правильно ходить, правильно смотреть, правильно разговаривать. Правда я до сих пор не уверена в том, когда и что делаю правильно, а когда нет. Для Луизы все эти женские штучки – само собой разумеющееся, я же себя чувствую как ящерица в шкуре зайчика. Только и думаю, лишь бы что не ляпнуть или не шагнуть слишком резко.

– Вы только посмотрите! – Она развернула меня к зеркалу. – Ну как такое может не понравиться?

Может. Еще как может! Это ей идут всякие откровенные фасоны – Луизе есть, что показывать: бледно-лиловое платье оттеняет яркие рыжие волосы и бледную кожу, у нее пыш-

ная грудь, мягкая линия плеч. А что показывать мне? Я вся состою из углов, на полголовы выше, тощая, темноволосая. Глаза карие, глубоко посаженные, высокий лоб и тонкие черты лица. Она смотрится как фарфоровая куколка, я – как муза одичавшего скульптора. И декольте мое только поднимающий корсет спасает.

– Вы только представьте, как будет очарован Альберт.

А вот это нечестно!

– Сейчас сюда вернется Элизабет, и вы встретите ее улыбкой. Поблагодарите, скажете, что платье замечательное, и что ждете его вместе с остальными.

Кажется, я начинаю понимать, чем она околдовала моего брата. Ее всегда слишком много и никогда не хватает. Пять минут в обществе Луизы – и ты начинаешь думать, как бы заставить ее замолчать, пять минут без нее – и ты уже скучаешь.

– Вы правда думаете, что ему понравится? – я снова критически осмотрела себя. Право-слово, еще волосы оставить распущенными – и буду как дебютантка!

– Уверена.

Ладно, может она и права, платье красивое, но…

– Вы выглядите так, словно лимон разжевали на спор. Естественнее, нежнее… Ну, улыбнулись!

В высокий певучий голос ворвались командные нотки, а потом эта коварная женщина ущипнула меня повыше локтя с силой, достойной заправского палача, разогревающего

пленника перед допросом. Как раз в тот самый момент дверь распахнулась, и вошла миссис Ходжинс со стаканом воды. Не знаю, на что была похожа моя улыбка, но портниха слегка побледнела. Сдается мне, благодарность не удалась.

В целом дальнейшая примерка прошла неплохо – у каждой из нас по несколько новых платьев для сезона. Всю комнату занимают манекены и наряды, в мастерской тесно, но достаточно уютно. Конечно, я могла бы пригласить любого мастера в Мортенхэйм, но когда Луиза предложила обратиться к ее портнихе, с радостью согласилась. Во-первых, это был повод выбраться в город, чего я не делала уже давно. Во-вторых, не хотелось выслушивать недовольство матушки по поводу моих нарядов: ей вечно что-то не нравится. Пошив гардероба Лавинии она полностью взяла под надзор – чтобы ни разу, ни на одном балу та не появилась в одном и том же платье, так что сестренка не вылезает из примерочной.

– Почему вы не можете просто быть милой? – спросила Луиза, когда мы распрощались с миссис Ходжинс и вышли на лестницу.

Хороший вопрос. Может, я просто не рождена для милоты?

Мастерская ее портнихи в неплохом районе: на западе Лигенбурга, на правой стороне Бельты. Здесь относительно чистые дома и на лестницах не висят гроздья людей, которые не могут оплатить жилье. В коридоре дешевенькие цветочные обои, окно между этажами немного запылилось, пролеты за-

литы тусклым светом – день сегодня пасмурный. Для Луизы все знакомо: в силу обстоятельств ей многое пришлось повидать, пожить в таких вот квартирах, самой зарабатывать на хлеб, но для меня это словно другой мир. Я родилась и выросла в Мортенхэйме, без особой надобности его стен не покидала. Сложно представить, как семья из пяти человек может ютиться в двухкомнатной квартирке, в которой даже толком не развернуться.

– Заглянете ко мне или сразу домой?

– Я бы с радостью, но…

Луиза рассмеялась. Через несколько месяцев она выходит замуж за Винсента, а матушка им «удружила»: ради сохранности репутации будущей герцогини у нее поселилась мисс Бук – особа, рядом с которой временами теряется даже мой суровый старший брат. Он привык к тому, что все падают к его ногам, но мисс Бук упадет только замертво. На самом деле, ее престарелая надзирательница тут ни при чем, я просто хочу побыть одна: последние несколько дней примерок для меня чересчур. Чересчур столичной суеты. Чересчур людей. Чересчур общения.

– Тогда отвезем вас домой. Передадите Винсенту мое письмо?

– Разумеется.

От письма исходил легкий тонкий аромат – цитрус и свежесть. Белоснежный конверт пах ею, и я спешно спрятала его в ридикюль.

Мы вышли на улицу, в лицо тут же ударил ветер, принося с собой запах навоза и древесных опилок, смешанный с благоуханием сирени. Сразу за углом цветочная лавка, чуть поодаль – городские конюшни. Такой вот он, Лигенбург. Сегодня прохладно, особенно для поздней весны. Луиза закуталась в шаль, мне же мигом стало нечем дышать: здесь просто не протолкнуться. Кто-то спешил на обед, кто-то – на ближайший рынок, мальчишки с перепачканными типографской краской руками совали под нос газеты. Преимущественно джентльменам, но самые нахальные даже нам. Ничего удивительного, будний день, но меня мигом затошнило, перед глазами заплясали темные точки.

К счастью, Луиза остановила экипаж, и я поспешно нырнула внутрь, в спасительную темноту. Задернула шторку и откинулась на спинку сиденья. Ладони вспотели, а пальцы стали холодные, как лягушачьи лапки.

– Тереза, с вами все в порядке?

– Меня утомляют примерки.

Ей ни к чему знать, почему повелительница мертвых так отчаянно боится живых.

– Ее светлость и Лавиния приезжают завтра, – лучше сразу сменить тему, эту женщину отличает не только необузданный бурный нрав, но и проницательность.

– Уже? Я думала, они будут позже.

– Куда уж позже. Лавиния еще потащит Винсента по магазинам – ей нужно подобрать драгоценности.

– Вы пойдете с ними?

– Нет. У меня все есть.

У меня и правда есть все, что нужно. Скромнее, чем полагается сестре герцога, но я не сторонница цеплять на себя тяжеленные драгоценные камни и переливаться ими как елка в зимние праздники. К тому же, они привлекают внимание.

– Как Винсент?

– Целыми днями пропадает в парламенте. А когда не пропадает, отчаянно скучает по вам.

Вот с этого и надо было начинать. При упоминании Винсента Луиза забыла обо всем, улыбнулась так светло, что теперь в экипаже можно книжки читать. Впрочем, брат такой же. Когда дело доходит до любви, люди поразительно похожи: что девицы, что суровые герцоги. А вот себя я слабо представляю такой сияющей. Альберта, если честно, тоже.

Интересно, как оно будет у нас?

– Думаете про лорда Фрая? – Луиза хитро прищурилась.

На лбу у меня что ли, написано? Я недоуменно воззрилась на нее, она же только хихикнула.

– Когда вы о нем думаете, у вас становится такое лицо…

– Какое?

Луиза сделала большие глаза, закусила губу и даже слегка покраснела.

Вот как она это делает?

– Или такое.

На сей раз это было нечто среднее между святой Миланей и Эленой Суэнской кисти Варго Лестрена, одного из известных художников Эпохи Расцвета – этакая томная газель пред охотником.

– Не переживайте, он будет сражен в самое сердце.

– Хорошо, если не насмерть.

Луиза перестала улыбаться. Ну вот и чудненько, зато с темы мы наконец-то свернули. Остаток пути она рассказывала мне про свадебное платье – его еще не начали шить, и о том, какие шелка и кружева она для него заказала. Если бы я еще в них разбиралась, было бы здорово, сейчас же оставалось только кивать и делать умное лицо – с этим у меня никогда проблем не возникало.

Приехали мы на удивление быстро, Луиза выходить не стала, только помахала рукой. Не успел экипаж отъехать, как открылось окно, и оттуда высунулась будущая герцогиня:

– Не забудьте про письмо!

Я покачала головой – не забуду, и Луиза нырнула обратно. Что за привычка – голосить на всю улицу?

Район, где живет Винсент, чистый и аккуратный. Особняки все красивые и большие, как на подбор, газоны подстрижены, мостовая сверкает, на противоположной стороне улицы канал, через который перекинут небольшой мостик, ведущий в парк. Тоже очень приятное место – людей здесь мало, поэтому вечерами я выбираюсь туда на прогулку. Зеленые аллеи, скамейки, одуряющие ароматы цветущих деревьев, а

навстречу лишь изредка попадаются супружеские пары или дети с няньками. Красота, да и только.

– Леди, эй, леди!

Я вздрогнула от неожиданности. По улице со всех ног бежал босой мальчонка – лет шести, не больше. Грязный, в перепачканной рубашке, таких здесь отродясь не бывает. Я и слова не успела сказать, он подлетел ко мне и сунул в руку конверт, а потом опрометью бросился назад, точно за ним демоны гнались.

Кричать вслед непристойно, поэтому я только пожала плечами. Видимо, деньги ему не нужны, хотя уличная ребятня обычно просит всегда и у всех. Покрутила конверт в руках – необычный, квадратный, с отпечатками грязных маленьких пальцев. Скреплен печатью, на которой изображен полукруг с расходящимися лучами, изящным каллиграфическим почерком выведено мое имя: Тереза Биго.

Я надорвала бумагу и вытащила тонкий, сложенный вдвое листок.

> *«Рано или поздно, по доброй воле или силой, ты станешь моей, Те-ре-за. Только моей».*

Это еще что за шуточки?

Мальчишки уже и след простыл, но спину неожиданно свело. Такое бывает, когда чувствуешь на себе чей-то пристальный взгляд, а этот сейчас вонзился между лопаток стилетом, пронзая насквозь и холодом растекаясь по телу. Конверт и письмо в моих руках рассыпались прахом, порыв вет-

ра стряхнул с перчаток серую пыль, унося в сторону. Я резко обернулась, но улица была пуста. Только где-то вдалеке слышался цокот копыт и шум колес проезжающего экипажа.

2

«Ваш мир состоит из крайностей, леди. И вы ровным счетом ничего не смыслите в политике».

Если в наше время леди смыслит в политике или в чем-то еще, кроме вышивания, пения или манер, на нее ни один мужчина не посмотрит. Вот так и получается – разговор нужно уметь поддержать на любую тему, но умничать – ни-ни. Это вообще возможно?

«Ах, Ричард, если бы мне была интересна политика, я бы сейчас сидела в парламенте».

Я не удержалась и фыркнула. Книга помогала расслабиться, хотя и весьма относительно. Особенно учитывая вчерашнее послание: дурацкая записка непонятно от кого не шла из головы. Поклонников у меня отродясь не было, тем более жаждущих забрасывать любовными самоисчезающими письмами. Простейшее заклинание, похожее на мгновенное разложение из некромагии, только в разы проще и безопаснее. Здесь используется специальное зелье: пропитываешь им бумагу, набрасываешь плетение, и как только письмо вскрыто, у адресата несколько секунд, чтобы его прочитать.

На чем я остановилась?

«Вы слишком дерзки для леди».

«Но ведь это вам во мне и нравится, верно?»

На романы Миллес Даскер мое внимание обратила Луиза.

Ну как обратила – сунула мне в руки ярко-красную книжицу в мягком переплете и сказала: «Прочитать до завтра». Тогда мы с ней как раз прорабатывали теорию поведения с мужчинами. Она называла это искусством обольщения, но мне приятней знать, что это была теория поведения. Спокойнее как-то.

Книгу я прочитала за ночь, а на следующий день поинтересовалась, не найдется ли у Луизы еще. Сначала колебалась, стоит ли спрашивать – целых два часа, но потом решила, что об этом все равно никто не узнает.

«Мне в вас нравится все».

Ричард шагнул к Миранде, и мое сердце забилось чаще. То есть, я хотела сказать, ее сердце, конечно же.

«Он перехватил ее руки, затянутые в серо-голубой атлас, и поднес их к губам со всей страстью, на которую был способен. Миранда с вызовом встретила его взгляд, но уже в следующий миг что-то внутри дрогнуло, на щеках заалел румянец».

На моих тоже что-то заалело, да и внутри творилось что-то не то: надо бы открыть окно, в гостиной чересчур жарко. Я закусила губу и перевернула страницу.

«Его губы были так близко…»

– Тереза!

Лавиния влетела в комнату, перед глазами мелькнул ярко-желтый вихрь платья, я же успела только подхватить лежащий рядом увесистый том «Истоки вэлейских заклина-

ний», плюхнуть поверх романа и перевернуть страницу.

– Что читаете? – Сестренка уселась рядом со мной на диван, заглянула в книжку и скривилась. – Фу, скукотища. Матушка просила подать чай, так что сейчас явится сюда и будет наставлять нас по поводу завтрашнего. Вы готовы?

Готова ли я к тому, что завтра мне предстоит ехать на бал и применять теорию поведения с мужчинами на практике… то есть на Альберте? Нет, я не готова! И еще меньше готова обсуждать это с матушкой.

– Я так волнуюсь, так волнуюсь, так волнуюсь… Ох!

Лавиния откинулась на спинку дивана и запрокинула голову, длинные шоколадные локоны свесились чуть ли не до пола. Вот уж кому не стоит волноваться, так это ей. Изо всех нас только она унаследовала матушкину внешность. Меня и Винсента природа наградила отцовской резкостью, но Лави – воплощение женственности: плавная линия плеч, очаровательная улыбка, ямочки на щеках. Мягкие движения, если смех, то только из-под веера, если веселье – то не чересчур, уже сейчас она самая настоящая леди. Одного взгляда из-под ресниц будет достаточно, чтобы выстроилась очередь кавалеров, желающих танцевать с ней.

– Вы тоже волнуетесь, сестрица?

Когда матушка не видела, леди ненадолго становилась просто девчонкой. Вот и сейчас она поерзала, по-детски подперла подбородок ладонями и подалась вперед.

– Нет.

Волноваться я начну завтра. Сейчас меня гораздо больше беспокоило то, куда до прихода матушки запрятать злосчастную Миллес Даскер, точнее ее «Гордую Миранду», и как это сделать, чтобы Лави ничего не заметила.

– Там наверняка будет множество джентльменов… привлекательных, – сестренка слегка покраснела. – И я буду танцевать всю ночь, всю ночь напролет! Не с каждым, конечно же, но… Ах, это так волнительно! Вы же будете танцевать, Тереза?

– Возможно.

Если вспомню, как это делается. Мои выходы в свет закончились со смертью отца, с тех пор я не танцевала. Честно говоря, я и до этого мало танцевала. Джентльмены в моей жизни делились на два лагеря: первые обожглись об отказ Уильяма де Мортена во время сватовства, вторые теряли интерес, стоило заговорить с ними про теорию магии.

– Вы обязательно должны танцевать! – Зеленые глаза Лави возбужденно сверкнули. – В таком-то платье!

Далось им всем это платье. Если бы не винехейш, ноги бы моей не было ни в Лигенбурге, ни на одном балу. Ради Альберта я рискнула выбраться на сезон, ради него согласилась на изумрудный шелк. Предсказание армалов – древнейшей расы, наделенной могущественной магией – не может обманывать. От их цивилизации осталась одна история, но их наследие проверено и перепроверено временем, некоторые заклинания сейчас даже невозможно повторить из-за их слож-

ности. Словом, армалам я полностью доверяю, в отличие от дурацких гаданий.

– А мое вам нравится?

Сколько можно говорить о нарядах?

Я кивнула, сделала вид, что поправляю складки на платье, и незаметно подтолкнула книгу в сторону – там как раз между юбками и подлокотником оставался внушительный зазор, куда провалилась «Миранда». Вовремя: в гостиную вплыла матушка, а следом за ней – горничная с подносом. Прихлопнув книгу диванной подушкой, я облегченно вздохнула.

– Дорогие мои!

При звуках ее голоса Лавиния мгновенно выпрямилась и сложила руки на коленях. Моя матушка – вдовствующая герцогиня. Миниатюрная, обманчиво хрупкая, но железный стержень внутри виден сразу: ни сломать, ни согнуть, раскаляется в считанные минуты и обжечь может так, что мало не покажется. Правда в последние дни она пребывала в замечательном расположении духа – младшая дочь будет блистать на балах, а что еще нужно для счастья?

– Матушка, у меня уже все готово! – Лавиния сияла.

– Ни на минуту в тебе не сомневалась, моя дорогая.

– Вы ведь видели украшения, которые Винсент мне подарил? Сердолик называют солнечным камнем, говорят, что он изгоняет любую тьму и защищает от злых взглядов!

Лави подойдет. Она сама как солнышко.

– А другой комплект из загорского хрусталя. Я надену его

на бал во дворце!

Горничная хлопотала, расставляя посуду и разливая чай, я же разглядывала гостиную. Городской дом Винсента огромен, хотя с Мортенхэймом не сравнить. Луиза находит его чересчур мрачным, мне же здесь нравится все: сюжеты магических сражений армалов как нельзя лучше вписались в темно-бордовые тона интерьера. Пламя камина плещется в позолоте, сияние светильников оживляет редкие островки пастельных оттенков. А вот желтые розы, бутоны которых слегка поникли, мне не нравится. Матушка попросила составить букет, и теперь в доме маленький островок смерти. Кроме меня ее никто не увидит, для всех это просто красивые цветы. Никогда не понимала, зачем их срезать.

Горничная вышла за дверь, а матушка поднесла к губам чашку с чаем. Она устроилась в кресле – королевская осанка, мягкие, но уверенные движения.

– Тереза, вы уверены, что хотите поехать?

Началось.

Последний месяц она только и делала, что спрашивала об этом.

– Если бы не была уверена, меня бы здесь не было.

Каждый такой вопрос как удар под дых. С прошлого года, когда я впервые задумалась о возможности покорить Альберта, меня не оставляют сомнения. Ведь за все время нашего знакомства он ни жестом, ни взглядом не обмолвился о своем ко мне интересе. Вежлив, неизменно учтив и вни-

мателен, как брат рядом с сестрой. И даже не догадывается, как обжигают пальцы его поцелуи – даже через перчатку, а от одного взгляда темно-зеленых глаз заходится сердце.

– Вы плохо переносите толпу. Вам не станет дурно?

Спасибо, что напомнили.

Матушка поправляет темные волосы – единственное, что нам с Винсентом досталось от нее – уложенные в идеальную прическу. В глазах цвета мяты немой вопрос: «Не хотите ли вы вернуться в Мортенхэйм?»

Желательно прямо сейчас. Можно подумать, ее интересует мое самочувствие! Просто я не вписывалась в планы, как лишняя чашка за столом или незваный гость, и она не знала, как себя вести.

– Я справлюсь, ваша светлость.

Желание встать и уйти возрастает с каждой минутой. Так я и делала обычно, но сейчас все еще сижу. Большей частью из-за Лавинии: не хочется портить сестре настроение перед ее первым балом.

– Хорошо.

По поджатым губам вижу, что не хорошо, но меня это мало беспокоит.

– Леди Лавиния, вас не затруднит принести мне шаль? Кажется, я забыла ее в библиотеке.

– Конечно!

Лавиния бесшумно поставила чашку на блюдце. В воцарившейся напряженной тишине зашуршало платье, тихо

щелкнула прикрытая дверь.

– Леди Тереза, я бы хотела видеть вас завтра в любом наряде, кроме изумрудного.

Не просьба, приказ.

– Теперь вы боитесь, что меня слишком туго затянут в корсет? – моим голосом можно резать металл. А при желании даже камень крошить.

– Ваша сестра дебютантка. Вы не должны лишний раз привлекать внимание.

Ну вот она это и сказала. Наконец-то. Без ложной вежливости, без уверток.

– Я не собираюсь перетягивать одеяло на себя. Я всего лишь хочу выглядеть достой… красивой.

– И о чем же вы думали раньше, позвольте спросить? Когда запирались в Мортенхэйме на время сезонов? Когда отказывали джентльменам, которых приводил ваш брат?

Я кусала губы, чтобы не наговорить лишнего, и смотрела куда угодно, только не на мать.

Ни о чем. Ни о чем таком я не думала раньше. Чувства были для меня загадкой – чем-то сродни магии для человека, который ни разу не видел ее даже издалека, а потом в жизнь брата снова вошла Луиза. Благодаря им я поняла, что бывает иначе: не так, как у родителей, не так, как принято в обществе. Не по договоренности, не из-за хорошей родни или весомого наследства. Ярко, искренне, по-настоящему. Вопреки всему. До боли, до стиснутых рук, лишь бы вместе.

– Смею надеяться, – так и не дождавшись ответа, матушка сочла вопрос решенным, – что уважение к семье поможет вам сделать правильный выбор.

Я отшвырнула книгу и вскочила: краски гостиной поблекли, могильный холод перехода на грань между жизнью и смертью просачивался сквозь поры и отравлял кровь. Жилка на шее бешено колотилась. Я судорожно сжала стремительно холодеющие пальцы и решительным шагом направилась к двери. Успокоиться. Главное сейчас – успокоиться. Глубокий вдох и такой же глубокий выдох…

– Тереза! – матушкин голос зазвенел как натянутая струна.

Я обернулась: розы обратились в тлен. Серая крошка осыпалась на стол, плавала на поверхности воды и оседала на дно прозрачной вазы. Ее светлость побелела, что нетронутый лист бумаги, ее руки тонко задрожали. Сколько лет прошло, а она по-прежнему боится.

– Они все равно были мертвы.

Что, впрочем, меня ни капельки не оправдывает.

Я вздернула подбородок и вылетела из гостиной. Метнулась было по коридору к лестнице, но тут же остановилась, тяжело дыша, сжимая и разжимая дрожащие пальцы: дверь в кабинет Винсента оказалась приоткрыта, оттуда доносились голоса. Если брат увидит меня в таком состоянии, вопросов не оберешься.

– Гилл, мне нужен экипаж. – Прозвучало резко и яростно.

Похоже, не у меня одной вечер не задался. – Срочно.

– Да, ваша светлость.

– До моего возвращения никто не должен знать о визите этого… джентльмена.

– Разумеется, ваша светлость.

Если бы дворецкий Винсента так часто не повторял «ваша светлость», он бы мог мне даже понравиться. В какой-то мере он предан брату, хотя чересчур заносчив с теми, кого не любит.

– Прикройте дверь. Мне нужно, чтобы вы послали за Хоггартом, и чтобы к моему возвращению он сидел в этом кабинете с бумагами…

С какими бумагами должен сидеть поверенный нашей семьи, я уже не расслышала: негромкий стук закрывшейся двери отрезал меня от продолжения разговора. Впрочем, сейчас мне не до праздного любопытства. Я быстро поднялась к себе, заперла дверь на ключ и без сил рухнула на кровать. Потолок плавал перед глазами – такое бывает, когда неосознанно «падаешь» на грань, но со мной это случилось впервые за долгие годы. Нельзя допустить, чтобы это повторилось.

3

Куда запропастилась эта демонова книжка? Я вспомнила о ней только сегодня за завтраком, но «Миранда» как сквозь землю провалилась. Если ее нашли горничные – это полбеды, почитают, похихикают и спрячут куда-нибудь, а если матушка, Лави или Гилл, скандала не оберешься. Мисс Даскер стала первой женщиной в Энгерии, которая печаталась под своим именем, больше того – открыто писала о правах женщин не только перед обществом и супругом, но и о любви. Это было дерзко, смело, а временами чересчур горячо. Чересчур для матушки, для Лави, да и… для всех остальных, пожалуй. Я вздохнула и на всякий случай еще раз прошлась рукой между спинкой и подушками. Ничего.

Оставалось последнее – зазор между подлокотником и спинкой. Я залезла туда, и мне даже показалось, что пальцы на что-то наткнулись, когда…

– Леди Тереза.

Голос горничной раздался совсем не вовремя: леди Тереза согнулась над диваном в три погибели. И застряла. Это я поняла, когда попыталась вытащить руку.

Пришлось обернуться – насколько позволяло пикантное положение, и сделать вид, что я обронила платок. Не знаю, сильно ли отличается застрявшая в диване леди от леди, обронившей платок, но искренне надеюсь, что мне удалось

изобразить разницу.

– Его светлость хочет с вами поговорить и ждет вас в кабинете.

Если об изумрудном платье, то это уже не смешно.

Я с силой дернулась, выскользнула из перчатки и плавно повернулась – совсем, как учила Луиза.

– Благодарю, Аманда. Я сейчас приду.

Горничная сделала книксен и удалилась, я же с силой потянула перчатку наверх. Раздался противный треск, а спустя миг я рассматривала обстановку гостиной через не предусмотренные фасоном дырки. Ладно, с этим можно разобраться позже – благо, рукава у платья длинные и глухие. Сейчас важнее другое.

Я быстро прошла по коридору, резко толкнула дверь, и брат поднялся из-за стола мне навстречу. Высокий, темноволосый, со жгучими темными глазами. Временами в них полыхал огонь, временами стыли льды Севера, в зависимости от настроения. Политика и титул накладывают свой отпечаток, а еще магия – Винсент не понаслышке знаком с древней силой армалов.

– Тереза, прошу вас.

Мне поцеловали руки, даже не заметив отсутствия перчаток, и усадили в кресло. Сам он садиться не стал: прошелся по кабинету, сцепив за спиной пальцы, потом снова вернулся ко мне.

– Возможно, вопрос несколько несвоевременный, но мне

придется его задать. Ради чего вы приехали на сезон?

Сердце противно заныло: несмотря на то, что Винсент всегда меня поддерживал, матушка умеет добиваться своего.

– Мне захотелось развеяться.

Винсент сдвинул брови, я же мысленно усмехнулась. Да ладно, я бы сама себе не поверила. Изо всех женщин Энгерии я меньше всего похожа на ту, кого интересуют танцы и развлечения.

– Спрошу по-другому: вы имеете целью в ближайшее время устроить свою жизнь?

Догадка обожгла, что жгучий перец, к щекам прилила кровь. Он собирается выдать меня замуж?! Сейчас?!

Я знала, что рано или поздно это случится, нарочно тянула время и надеялась, что… Не знаю, на что я надеялась. Его ответственность перед семьей заключается в том, чтобы благополучно пристроить нас с Лави, но почему именно сейчас, когда я решила очаровать Альберта! Надо было что-то отвечать, поэтому я неосознанно вцепилась в край стола и сказала раскидистому цветку, застывшему в огромной кадке:

– Возможно.

– Тереза?

Пришлось отвлечься от созерцания цветка, стеллажей с книгами и письменных принадлежностей. Я подняла голову и встретила внимательный взгляд брата.

– О чем вы только что подумали?

Я молчала.

– Помните, что я сказал после смерти отца?

«Никто никогда не получит вас против вашей воли».

Я хорошо запомнила эти слова, потому что от отца слышала совсем другое.

– Вы всегда можете рассчитывать на меня. Что бы ни случилось.

Стало стыдно. Щеки теперь полыхали, что маяк в ночи, при желании ими всю Энгерию можно осветить в ненастную ночь.

– Знаю.

Я действительно знаю, что брат защитит и никогда не оставит, но у него скоро появится собственная семья. Нужно устроить свою судьбу до того, как я стану обузой.

– Я приму любой ваш выбор и сделаю все, чтобы вы были счастливы.

Надеюсь, когда Винсент узнает о моем выборе, он и правда сможет его принять. Да, у Альберта ненаследный титул, но он богат и благороден. К тому же, они лучшие друзья.

Замуж за лорда Фрая?.. Мысль обожгла.

Разумеется, развитие отношений должно закончиться браком, как у всех. Но загадывать так далеко? Нет, об этом я пока боялась даже думать. Мне хватало мыслей о том, как он прикасается ко мне без преграды перчаток, чтобы сердце зашлось, а дыхание сбилось. Помолвка, замужество и все, что за ними последует – если верить романам Миллес Даскер – пока что это для меня чересчур. Но рано или поздно…

Я порывисто поднялась и так же порывисто обняла Винсента.

– Спасибо!

Он весь напрягся, неуверенно погладил меня по спине. Когда мужчина смущается, это выглядит забавно. Когда смущается герцог де Мортен, видный политик, это забавно вдвойне. Вот и сейчас я не сдержала улыбки. Уголки его губ тоже едва уловимо дрогнули, из-под суровой маски наконец-то показался мой брат. Настоящий, каким его знают только близкие. Я же отступила и сцепила руки за спиной.

– Ступайте к себе, Тереза. Уже вторая половина дня. Хочу, чтобы мои сестры были самыми красивыми на этом балу.

Ой-ой! Смотреть все равно будет только на свою Луизу.

– Вы не против, если я надену изумрудное платье?

Брови Винсента поползли вверх.

– Почему я должен быть против?

Я победно улыбнулась. Если что, у меня теперь имеется официальное разрешение брата. А это вам не кринолин в панталоны заправлять.

Танцевать всю ночь напролет – испытание не из легких. Балы сезона продолжались с мая по август, открывались они поздно вечером, а заканчивались ближе к утру, поэтому по всем правилам мне полагалось поспать – для цвета лица, чтобы выглядеть отдохнувшей, свежей, бодрой и дальше по пунктам. Увы, сон не шел. Ведь непременно опозорюсь даль-

ше некуда! Наступлю Альберту на ногу, и это еще в лучшем случае, если он вообще меня пригласит.

Я сбила простыни в хлопковое тесто, после чего оставила затею с послеполуденным отдыхом. Поднялась, накинула халат и написала записку Луизе:

Как пережить этот вечер?

Луиза, видимо, тоже не спала, потому что вскоре мне принесли ответ.

Представьте: бал, и вы парите…
И вальс… сияние свечей…
А рядом с вами Фрай. Пока что
Ничей.

Подписано послание было нарисованной парочкой, отдаленно напоминающей людей, если так можно обозвать скопление кружочков-квадратиков с тонкими ручками-палочками. И сердечком посередине.

Она когда-нибудь бывает серьезной?

К счастью, вскоре ко мне постучала Мэри: нужно было начинать собираться. Камеристка делала мне прическу, а я терзала гребень, которым надлежало освежить волосы. Серебряный, с плетеными завитками, украшенный по центру большим оливином – прозрачным, светло-зеленым, в форме капли, и крохотными камушками по всему узору. К нему у меня были браслет, колье и серьги, но я уже сомневалась, что стоит их надевать. Да какой там… я сомневалась, что стоит

туда идти.

Когда мы закончили с платьем, отражение показалось мне незнакомым. Я давно не одевалась так, чтобы подчеркнуть декольте и линию плеч, и уж точно не делала таких причесок: уложенных волнами мягких локонов, которые чуть подхвачены сверху и ниспадают вдоль шеи на грудь.

Эта женщина не я. Она другая. Чужая.

Можно сколь угодно долго отрабатывать походку или поворот головы, можно красиво улыбаться и даже заново разучить все модные танцы, но внутри остаться прежней. Прежней мне было невыносимо неловко. Хотелось сорвать с себя драгоценности и платье, надеть привычный темно-шоколадный наряд, а волосы собрать в строгий пучок. Тем не менее я поблагодарила Мэри, поправила длинные темные перчатки и направилась вниз.

Винсент уже дожидался в холле: в парадном черном фраке, гладко выбритый. Заметив меня, он замер, я же продолжала спускаться. Как-то позорно на глазах брата разворачиваться и бежать в спальню.

– Давно не видел вас такой.

По его голосу сложно понять, нравится Винсенту платье или оно ужасно. А вот взгляд тяжелый – не каждый способен выдержать, таким устрашают врагов и повергают в обморок впечатлительных дам. Что-то случилось?

– Какой?

– Платье прекрасно. И вы тоже, Тереза.

– У вас все в порядке?

Короткое молчание и не менее лаконичный ответ:

– Да.

Нет, не все. Я же видела, что что-то не так. Но спросить больше ничего не успела.

– О! – восклицание матушки сочилось гневом.

Они спускались вместе с Лавинией: сестра в воздушном кремовом наряде дебютантки и ее светлость в тяжелой темно-синей парче. Меня окатило волной осуждения – откровенного и беспощадного, сосредоточенного в плотно сжатых тонких губах и глубине прищуренных глаз. Я дождалась, пока Винсент поухаживает за матерью и сестрой, только после этого шагнула к нему.

Атлас накидки мягко лег на плечи, заструился вниз. Когда я пыталась затянуть тесемки, пальцы слегка дрожали.

– Позвольте мне.

Что бы я без него делала?

На улице уже ждал экипаж, и я с радостью нырнула внутрь. Лавиния ерзала на месте, выглядывала в окно, но слышала покашливание матушки и тут же складывала руки на коленях. Чтобы не комкать платок, я уставилась на сестру: во взгляде – предвкушение и восторг, она то и дело кусала губы, чтобы сдержать улыбку.

– Все будут о вас говорить! – Ее светлость смотрела на меня в упор, но мне сейчас не до нее. Я готова выпрыгнуть из кареты и бежать далеко-далеко.

– Пусть говорят.

– Считаете, что вы выглядите достойно?

– Матушка.

Винсент даже голоса не повысил, но та поджала губы и отвернулась. Ну и пусть обижается.

С каждой минутой встреча с Альбертом становилась все более неизбежной. Мне оставалось только крепко сжимать ридикюль и сражаться с тошнотой. Да что же это такое? Я с детства каталась на лошадях, даже умею управлять экипажем! Меня никогда не укачивало, но сейчас желудок словно сдавило тисками. А может, Мэри слишком туго затянула корсет?

Слава Всевидящему, ехать нам недолго. За окном проносились фасады домов и разгорающиеся в поздних весенних сумерках огоньки фонарей. Мелькали лепестки цветущих деревьев, смешанные с сочной молодой зеленью. Умопомрачительные запахи врывались в приоткрытые окна будоражащей ночной свежестью.

Особняк Уитморов находился в нескольких кварталах, ничем особо не примечательный: обвитый плющом, с эркерными окнами, он возвышался на три этажа. Подъездные дорожки были забиты каретами, везде сновали лакеи в темно-синих нарядных ливреях. Двери парадного входа раскрыли настежь, оттуда лилась музыка, доносился чей-то негромкий смех. Совсем рядом зазвучали высокие голоса – леди вышли из экипажа, что подъехал перед нами.

– Каждую весну жду именно бала Уитморов! Их сад – миниатюрная копия вэлейского королевского парка.

– Ах, разве?

– Вы бы видели его, когда зацветает сирень!

– Сегодня обязательно посмотрю!

– Да-да, непременно сходите туда! Камилла без ума от Вэлеи. Они с мужем только недавно вернулись из Ольвижа…

Неужели я правда иду на бал? Нет, все гораздо хуже. Я иду на бал к Уитморам, чтобы заставить Альберта понять, какое я сокровище. Всевидящий, я рехнулась.

Мы вышли из экипажа. Винсент предложил руку Лави, мы с матушкой следовали за ними. Колени подрагивали, но я старалась двигаться как учила Луиза – медленно, плавно. Это стоило невероятных усилий, зато в большом зеркале холла отразилась удивительная незнакомка с моим лицом: плечи расправлены, подбородок слегка опущен, на губах легкая полуулыбка.

– Миледи. – Лакей помог снять накидку.

Здесь все яркое и золотистое: от мраморной лестницы с широкими перилами из светлого дерева, до напольных ваз с желтыми лилиями, источающих сладковатый аромат. Мелодия скрипки взвилась, как подхваченные ветром лепестки, и сошла на нет.

– Его светлость герцог де Мортен и леди Лавиния Биго. Ее светлость вдовствующая герцогиня де Мортен и леди Тереза Биго.

Все, отступать некуда.

Эта ночь либо изменит мою жизнь к лучшему, либо окончательно меня уничтожит.

4

Я ловлю на себе удивленные взгляды. Общество не верит, что Тереза Биго осмелилась появиться на празднике жизни. По их мнению, я должна закрыться в Мортенхэйме до конца своих дней, как делала последние годы. Старым девам не место на балах, им положено сидеть дома и предаваться сожалениям по поводу своей незавидной участи. В крайнем случае, сопровождать юных девиц и строго следить за соблюдением приличий, а во время танцев сливаться со стенками.

Перед глазами пестрят разноцветные наряды дам и темные фраки кавалеров. Бальная зала украшена вазами с лилиями – в этом доме повсюду срезанные цветы, золотистые портьеры подхвачены витыми шнурами, из раскрытых окон врываются дурманящие сладкие ароматы весны. У стен расставлены стулья для желающих отдохнуть, сейчас они пустуют, но в разгар танцев свободных мест не останется. Чуть поодаль – столы с пуншем, огромная люстра освещает все как на ладони, а широкая лестница уводит вниз.

Медленно, плавно, главное, не споткнуться о ступеньки. На нас все смотрят!

Большая часть внимания, конечно, достанется Винсенту и Лавинии: герцог и его красавица-сестра. Когда-то и я была на ее месте, другой бал, но те же лица, смесь страха и восторга, когда тебя приглашают на первый танец. Лави волнуется, я

вижу это во вздернутом подбородке и едва подрагивающих плечах, но у сестры отличная выдержка. Внутри все сводит от напряжения: что-то идет не так. Все смотрят на меня, или мне кажется? Злые скандализированные взгляды обжигают обнаженную спину.

– Надеюсь, вы счастливы, – шепчет матушка, – если вам безразлична своя репутация, подумали бы о сестре!

Хозяева уже спешат к нам.

– Рад вас видеть, де Мортен. Ваша светлость… Леди Лавиния… Леди Тереза…

Граф Уитмор напоминает бочонок – невысокий, пузатенький и розовощекий, но в разы приятнее своей супруги.

– Ваша светлость! Ваша светлость… Леди Лавиния, вы очаровательны! Ах, даже если бы я была совсем юной, не смогла бы соперничать с вашей красотой! – Сладкий голос леди Уитмор в точности как холл дома, ее золотистое платье чем-то напоминает платье ее величества на зимнем балу. Тощая, со светлыми кукольными кудрями и тонкими губами, она возвышается над мужем и глаз не сводит с моего брата. Если бы выражение «пожирать взглядом» было дословным, от Винсента уже остались бы одни косточки. Мне же достается быстрое, неприязненное: – Леди Тереза.

Где же Альберт? То ли еще не приехал, то ли затерялся в толпе: это он умеет как никто другой.

Камилла увлеклась комплиментами матушке и Лави, Винсент – беседой с Уитмором, поэтому я незаметно приподня-

лась на носочки, чтобы лучше осмотреть зал. То и дело натыкалась на раздосадованные взгляды: все эти люди наверняка считали, что я выжила из ума. Может и так, главное чтобы Альберт думал иначе.

Я вздохнула и… наткнулась взглядом на подбородок. Мужественный такой, волевой. К подбородку прилагались губы – пожалуй, чересчур мягкие для мужчины. Сам мужчина тоже прилагался: ростом выше брата, широкоплечий, с удивительными глазами – светлыми, как ореховое дерево, но такими холодными, что дрожь пробирала до самых костей. А волосы у него цвета меда – того самого, что пчелы собирают в июне, стянуты в хвост и перевязаны лентой. Удивительный контраст.

– Леди Тереза, – негромкий голос Винсента заставил меня очнуться. Негромкий, но мрачный. Сам брат напоминал грозовую тучу перед проливным дождем: сведенные брови, четко обозначившиеся скулы.

Гм. Кажется, нас только что друг другу представили, а я все прослушала.

– Рада знакомству, милорд.

В ореховых глазах мелькнула насмешка: он все понял, но явно не собирался меня спасать. Я невольно вздернула подбородок. С какой радости он смотрит с таким превосходством?! Пристально, вызывающе, откровенно. На меня так никогда не смотрели!

– Взаимно, миледи.

А вот голос у него совсем не медовый: низкий, влекущий, с властными нотками. И еще с акцентом – едва уловимым, певучим. Вэлейский?

Незнакомец взял мою руку, я же с трудом подавила желание отшатнуться. По телу прошла странная дрожь, сердце запрыгало, как мячик.

– Вы подарите мне первый танец?

– Лорд Альберт Фрай! – громкий голос со стороны дверей.

Альберт!

– Да.

Всевидящий! Что я только что сказала?

Вэлеец отпустил мои пальцы. Улыбка смягчила его черты, но в зале точно заперли все окна и разожгли факелы. Душно, просто дышать нечем. Все мысли вылетели из головы, тело словно превратилось в деревяшку: Альберт медленно спускался по лестнице. Красивый. Какой же он красивый… А еще высокий – рядом с ним я никогда не чувствовала себя туанэйской сосной. Еще миг – и он меня заметит. Поймет, что я вырядилась для него, прочтет мои мысли, а я умру от стыда.

К счастью, объявили следующих гостей.

– Виконт Лефер и леди Луиза Лефер.

Альберт обернулся: какая-никакая, а передышка.

– Мне нужно переговорить с леди Луизой.

Взгляд Винсента щекотал затылок: никто другой не умеет так тяжело смотреть, но мне было все равно. Я чуть ли

не бегом направилась к лестнице, по которой Луиза спускалась под руку с отцом. В бледно-лиловом платье ее фигура напоминала песочные часы: тонкая талия перехвачена пояском, украшенный кружевом лиф подчеркивал высокую грудь. Невеста брата вся светилась. Не двигалась, а плыла, дарила улыбки направо и налево, принимала восхищенные взгляды мужчин и завистливые женщин.

– Тереза! Я скучала по вам! – Она безо всяких церемоний поцеловала меня в щеку. – Угадайте, кто к нам идет?

Передышка кончилась: брат уже направлялся к нам, а вместе с ним Альберт. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, я с силой сжала запястье Луизы.

– Тереза, – ее голос доносился словно издалека, – просто улыбнитесь и начните разговор. Кстати, рука мне еще понадобится.

Легко сказать! Я медленно разжала пальцы, а брат уже целовал руку невесте.

– Леди Луиза, подарите мне танец?

Музыка стала громче, голоса стихли. И Уитморы только что открыли бал первым вальсом.

– Разумеется, ваша светлость.

Время замедлило бег и остановилось. Никого больше не существует: только я и Альберт. Испытующий взгляд раскосых глаз встряхнул мое самообладание, в который раз превращая его в жалкую горстку пепла. По тонким губам скользнула улыбка – мне все время кажется, что я сумею ее пой-

мать, но нет – она лишь тень, которая всегда в прошлом. В воспоминаниях, равно как и поцелуй, и легкое пожатие пальцев.

Вот он, передо мной. Изящный и галантный, самый прекрасный мужчина в мире, а я снова забыла все, чему меня учила Луиза.

– Леди Тереза, вы очаровательны.

Низкий шелест его голоса завораживает. В голове пустота, только сердце колотится о ребра.

– Надеюсь, ваш первый танец еще свободен?

Они все свободны для вас. Я вся свободна для вас. Сколько раз я представляла это мгновение? Не счесть. Тугой комок в груди тает, дышится легко: оказывается, дарить Альберту улыбки совсем не сложно. Во мне нет изящества Луизы или хрупкости Лавинии, зато есть искреннее желание покорить этого потрясающего человека.

– Увы, – резкий сильный голос с акцентом.

О, чтоб тебе провалиться!

– Вы что-то хотели, милорд? – жестко интересуется Альберт. Он умеет говорить так, что хочется подсесть ближе к камину, но мужчина смотрит только на меня.

Жаль, здесь нельзя использовать магию! И к счастью, потому что в груди бурлит яростная, темная сила.

– Прошу прощения, но… я уже обещала вальс.

Мужчине, даже имени которого не знаю.

Тереза, ты идиотка!

– Что ж, мне остается только ждать следующего, – сейчас взгляд лорда Фрая жесткий и цепкий. А мой демон-тебя-забери кавалер тем временем увлекает меня в зал, в круговерть танцующих пар.

– Не переживайте. Он же сказал, что дождется.

Он улыбается, в глазах мелькает насмешка. А мне не смешно. Совсем не смешно!

– Не могли сделать вид, что мы не знакомы?

Пальцы потрагивают от напряжения, но я еще ни разу не оступилась. Хотя стоило бы отдавить этому наглецу ноги за испорченный вечер.

– Мы и так не знакомы.

– Разве?

– Вы не знаете моего имени.

– Знаю, – возражаю я. Не могу же я с ним соглашаться.

– И как меня зовут?

Я демонстративно рассматриваю его галстук и кусаю губы: разговаривать во время танца совсем не обязательно. Он ведет уверенно, плавно – именно о таком вальсе я и мечтала, только с Альбертом. Рука вэлейца покоится на моей талии, притягивает к себе до неприличия близко. Его запах – терпкий, будоражащий аромат лаванды. От ладони по спине расходится странное пугающее тепло. Я пытаюсь отстраниться, но он держит крепко. Ладонь под его рукой даже через перчатку полыхает жаром.

– Анри, – неожиданно произносит он. – Вы так смотри-

те на мою шею, потому что хотите меня задушить, или я неудачно побрился?

Имя ему идет: мягкое и жесткое одновременно. Отмечаю шрам чуть повыше виска, у самой линии волос. А вот шея у него крепкая, такую просто не свернешь. Откуда он свалился на мою голову? Со своими улыбочками, со своими ореховыми глазами, со своим… смехом – низким, негромким… таким заразительным! У меня, может, траур по утраченным надеждам, но уголки губ неудержимо ползут в стороны. Приходится их плотно сжимать.

– Вряд ли мне хватит сил.

– Вы жестокая женщина.

– Почему вы пригласили меня, Анри?

– Потому что вы мне интересны.

Дыхание сбивается, когда он притягивает меня к себе еще ближе. Аромат лаванды становится сильнее, смешивается с запахом горького шоколада. Мне давно никто не говорил, что я интересна, даже Винсент и Лавиния. Все потому что…

– Во мне нет ничего интересного. Об этом вам скажет каждый в зале.

– В этом зале только о вас и говорят.

Говорят обо мне? Единственное, о чем стоит говорить – моя страшная сила, но о ней никому не известно.

– Следующий вальс?

Танец закончился, но он по-прежнему удерживал меня за талию, недопустимо близко. На нас смотрели все, но он

смотрел только на меня. Когда наши пальцы успели переплестись?

– Нет.

– Я настаиваю.

– Отпустите.

– Еще один вальс, Тереза.

Да где его манеры? Или он не понимает, что творит?!

– Хорошо, – еле слышно прошипела я, – будет вам еще один вальс. Довольны?

– Вполне.

Он отступил и даже склонил голову, я же подхватила юбки и поспешила прочь. Стоило больших трудов не сорваться на бег: взгляды гостей были прикованы ко мне. Всевидящий, я не собиралась нарушать все правила, какие только можно. Просто явилась на бал в платье, которому позавидует любая, откровенно глазела на наглеца, который откровенно глазел на меня, танцевала с ним вальс, а потом застыла в его объятиях, как статуя.

Внутри все клокотало, словно я глотнула живой огонь, вокруг мелькали лица: бледное матушкино с плотно сжатыми губами, изумленное раскрасневшееся – Лавинии. Я наткнулась взглядом на Луизу и Винсента: ее глаза горели недоверчивым восторгом, брат же застыл изваянием – убийственно-хмурый. Смотрел на меня и Альберт – внимательно, пристально, холодно, и это стало последней каплей. Я расправила плечи, вздернула подбородок и направилась к двустворча-

той двери, ведущей в сад. Медленно, спокойно, мимо папоротников и розовых кустов, по каменным ступенькам вниз.

Ветерок коснулся обнаженных плеч, и я обхватила себя руками: после случившегося не так-то просто прийти в себя. Разве что дышалось здесь не в пример легче: вместо перемешанных запахов парфюма – ароматы цветов, вместо людей – лабиринты живых изгородей, редчайшие растения со всего света. От иньфайского золотого бамбука до кардонийских тюльпанов, оттенкам лепестков которых могла бы позавидовать даже радуга. Матушкина оранжерея тоже была великолепна, но мне не нравилось, когда цветы прячут под стеклянным колпаком.

Мимо прошли пожилые джентльмены, о чем-то яростно спорящие, на соседней аллее мелькнула пара. Камилла Уитмор? Рассмотреть я не успела: они быстро скрылись за поворотом, но мужчина явно не был ее мужем. Сердце давно забыло, как это – биться в нормальном ритме, юбки трещали под сжатыми пальцами. Почувствовав тонкий приятный аромат, я ускорила шаг, петляя в лабиринтах дорожек. Вот она, сиреневая аллея, уставленная белоснежными каменными скамейками.

Девять лет назад я пряталась здесь, после того как пролила пунш на леди Энн. Она неудачно развернулась и кроваво-красный напиток выплеснулся прямо на пышные бледно-розовые юбки. Я слова не успела сказать, как она залилась слезами и заголосила, что я сделала это из зависти, по-

тому что ее чаще приглашают на танцы. Нас тут же окружили подружки леди Энн и просто сочувствующие: поразительно, какую поддержку способна обрести рыдающая девица. Только ленивый не попытался меня пристыдить, я же ответила, что так ей и надо. А потом сбежала сюда.

Все в прошлом. Все это, как и танец, и взгляды, и осуждение. Я закрыла глаза, наслаждаясь нежным запахом сирени и одиночеством.

– Недурственно.

О нет.

– Вы меня преследуете, или мне сегодня просто не везет?

– А как вам больше нравится?

Я зло взглянула на подошедшего. Смуглая кожа и такие медовые волосы… Да он весь состоит из контрастов! На нем не было фрака, просто темный сюртук, а шейный платок он, видимо, потерял где-то по дороге вместе с жилетом: расстегнутая на две пуговицы белая рубашка открывала смуглую грудь.

– Мне не нравится никак. – Я поспешно отвела взгляд. – Вы хоть понимаете, что натворили?

– Привлек внимание к самой красивой женщине на этом балу.

От того, как это было сказано – тихо, мягко, вкрадчиво, по коже побежали мурашки.

– Если желаете извиниться, вы не с того начали. А теперь оставьте меня в покое.

Анри надломил веточку сирени и протянул ее мне. Сразу видно, вэлеец: в Энгерии сирень дарят как предложение руки и сердца. Представляю его лицо, когда он об этом узнает.

– Сорванные цветы пахнут смертью, – сказала я, принимая тонкий стебелек и проводя пальцами по полупрозрачным лепесткам. – А еще вы только что сделали мне предложение.

– А вы только что его приняли.

Ладонь Анри уверенно легла мне на талию, наши пальцы снова переплелись, а потом он меня поцеловал. Мягкие теплые губы скользнули по моим, размыкая, от скользящего прикосновения языка по телу прошла дрожь. В ту же минуту меня обожгло магией – яростной, проникновенной, могущественной, порыв ветра взметнул вокруг нас опавшие лепестки, крошка гравия впилась в кожу тысячей игл, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как полыхало мое запястье. Я рванулась назад, прижимая руку к груди.

Мой. Первый. Поцелуй!

И с кем!

– Что вы наделали?! – звенящий яростью голос Винсента ворвался в сознание.

Я перевела взгляд на дорожку, и мне подурнело окончательно: рядом с братом стоял Альберт. Он видел, как я… как я обнимаюсь с…

– Всего лишь поцеловал жену.

Всполохи силы прокатывались над садом Уитморов, как

отголоски далекой грозы. Вэлеец подтянул рукав: его запястье обвивал обручальный браслет. По нему, точно напоенная магией кровь, струился поток золотистых искр, понемногу складываясь в четкий узор. Не снимая перчатки, я могла сказать, что у меня такой же. Эти символы мне показал винехейш.

5

А.Ф., А.Ф., А.Ф.! Знала бы я, какую подлянку готовит мне винехейш!

Кинжал с мягким хрустом вошел в дерево. Я подошла, выдернула его и снова отступила на несколько ярдов. Замах – бросок – и легкий треск многострадальной доски, на которой уже живого места не осталось. Лучше уж на ней, чем на ком-то еще, если мою ярость сразу не направить в нужное русло, ничем хорошим это не кончится. Луни то и дело недовольно ворчал: он всегда меня чувствует. Чувствует, если так можно выразиться в отношении зомби, который уже двадцать два года не упокоен и на покой не собирается. Чему я несказанно рада – с ним приятно разговаривать: никогда не спорит, а в отличие от живых людей еще и никогда не предаст.

А.Ф.! Вопреки моему наивному предположению вовсе не лорд Альберт Фрай. Анри Феро, граф де Ларне, чтоб ему сдохнуть на месте! Вот и верь после этого армалам.

Шаги на лестнице – это кто там такой самоубийца? Я резко указала в сторону дальних подвалов, где в Темные времена во время войн и набегов находились камеры узников. Луни поднялся и беспрекословно потопал из залы. Роста в нем под два метра, силищи – как в носороге. Как я совсем крохой умудрилась вытащить этого увальня с той стороны, не понял даже отец. Но именно с того дня моя жизнь была

предрешена.

– Тереза, можно к вам?

К чему спрашивать, если уже вошла?

Луиза застыла в дверях, расширившимся глазами оценивая размах бедствия. А посмотреть было на что: свет факелов озарял искромсанные в щепки столбы, валяющаяся неподалеку сабля, позаимствованная в оружейном зале Мортенхэйма, теперь сгодится только для выставок. Настенное деревянное полотно ощерилось ранами от кинжала, куча тряпья на топчане превратилась в истлевшие ошметки. Некоторые считают, что сила некромага распространяется только на живую материю. Наивные! Обратить в тлен можно все.

– Нет, – резко сказала я.

– Что – нет?

– Я не стану говорить с Винсентом.

– Почему?

– Он знал, но ничего мне не сказал.

На этой мысли ядовитая ярость снова побежала по венам, я рванула кинжал с такой силой, что дерево жалобно треснуло, а спустя миг отозвалось тоненьким хрустом под новым броском.

– Уходите.

Луиза подошла ближе. Ее тень метнулась по плитам подземелья, дрогнула и вползла на стену.

– Тереза, он знал об этом немногим больше вашего.

– Он знал.

Она перехватила мою руку до того, как я снова вцепилась в кинжал. Я вперила в нее свирепый взгляд, но Луиза и не подумала отступить. Не знаю, чего в этой женщине больше: смелости или глупости.

– Винсенту сейчас не лучше, чем вам. Он просил графа подождать, для него случившееся у Уитморов стало…

– Ай бедняга!

– Тереза, поговорите с ним.

– Я же сказала: нет.

– Не хотите говорить с Винсентом, поговорите с графом де Ларне. Попросите его…

– Вы рехнулись?

Я резко вырвалась и отступила. Нет, она точно не в своем уме. И чем дальше, тем больше в этом убеждаюсь. Я – Биго, стану о чем-то просить какого-то вэлейского мерзавца?

– Поговорите с ним! Расскажите о своих чувствах.

О да. Я расскажу ему о своих чувствах – к Альберту! А потом в подвале Мортенхэйма найдут хладный труп вэлейца. Ничего личного, просто некоторые истории убивают.

– Обо всем можно договориться.

– Так, как вы договорились с моим братом?

Луиза слегка побледнела, я же сложила руки на груди и с вызовом посмотрела на нее. Нечестно, знаю: не так давно их связало смертельное заклятие на крови, из-за которого они поначалу друг друга чуть не поубивали. Но я не просила ее

приходить и изображать добрую фею.

– Вы прекрасно знаете, что я этого не одобряю.

Не одобряет? Гм, как-то это мягко сказано. Я слышала, в каких выражениях она объяснялась с Винсентом по поводу поступка отца. Вот только ее неодобрение мне ничем не поможет.

– Я не стану с ним разговаривать.

Винсент найдет способ убедить графа де Ларне расторгнуть наш брак, после чего тот пушечным ядром полетит в сторону Вэлеи. А если решит остаться, очень сильно об этом пожалеет! Равно как и о том, что сразу не дал мне развод.

– Граф де Ларне…

– Самовлюбленный идиот. Он обещал Винсенту, что не приблизится ко мне до тех пор, пока мы не будем представлены…

– Тереза, вы были представлены. Попробуйте хотя бы…

– Я что-то не пойму, на чьей вы стороне?

– Поступайте, как знаете! – огрызнулась Луиза. – Только когда ваш муженек перекинет вас через плечо и потащит к себе, будет уже поздно. Потому что он имеет на это полное право.

О да. Пока что – согласно заключенному нашими родителями договору, он имеет на меня все права. Хоггарт откопал второй экземпляр в архивах отца, и за последние дни я изучила эту клятую бумажку до каждой буковки, до каждого крохотного пятнышка крови – моей и Анри, которые слива-

лись воедино и заменяли наши подписи.

Обручальный обряд провели, когда я была совсем маленькой. Уже тогда мы считались мужем и женой, а скреплением договора стал – чтобы вы могли подумать – поцелуй после совершеннолетия! Очень символично, потому что любое заключение брака этим слюнообменом и заканчивается. Одно непонятно, почему новоявленный муженек так долго откладывал это счастливое событие. Хотя не наплевать ли.

– Если это все, что вы хотели мне сказать, вам лучше уйти.

Луиза подошла к стопке книг, лежащей в углу. Наклонилась и вздрогнула.

– История пыток и казней – от армалов до наших дней? Тереза!

Первые часы по возвращению в Мортенхэйм только это и читала, каюсь.

– Старинные брачные обряды.

Луиза вздохнула с облегчением, я же с силой сжала пальцы – наверняка на руках останутся синяки. Я до дыр затерла страницы про это древнее обручение, но ничего утешительного не нашла. Армалы веками заключали союзы – нерушимые, расторгнуть их можно было только по взаимному согласию сторон. Вот только они никогда не проделывали такого с детьми, потому что в отличие от современников были цивилизованными и разумными. Это в Энгерии женщину могут выдать непонятно за кого непонятно зачем, когда она еще не соображает, что это вообще такое.

– Уверена, все наладится.

Луиза приблизилась, мягко накрыла мою руку ладонью, но я стряхнула ее и отвернулась. С одной стороны, отчаянно хотелось вцепиться в нее и умолять остаться в Мортенхэйме, с другой – как можно скорее избавиться от ее общества. Она еще несколько минут стояла рядом – видимо, чего-то ждала, потом развернулась и вышла. Я слушала удаляющиеся шаги, пока они не затихли, резко выдернула кинжал. На этот раз не стала уходить далеко, просто била в дерево до тех пор, пока пальцы не свело судорогой. Отшвырнула его в сторону, и тонкому звону вторил жалобный вой Луни. Он хотя бы выть может, я – нет. Не умею. Не приучили.

Перед глазами снова замелькали строки, и меня затрясло от ярости.

«Браслеты связывают мужа и жену духовно и физически, и связь эта день ото дня станет крепчать. Разомкнуть их невозможно, пока живы оба супруга или пока они не заявят о нежелании идти по жизни рука об руку, вместе».

Хором, ага.

Определенно, первый пункт внушает надежду. Не то чтобы я хотела крови вэлейца, но… нет, все-таки хотела. Судя по книге, если убью его сейчас, у меня просто голова заболит. А вот если чуть позже, может какая-нибудь гадость приключиться. Армалы в прямом смысле разделяли с супругом жизнь и смерть, горе и радость, и что там еще положено разделять. Поэтому уход одного для другого становился страш-

ным ударом не только в поэтическом смысле.

Тяжелые шаркающие шаги – снова притопал Луни. Положил огромную лапищу мне на плечо и заворчал. Я вздохнула, обняла его и уткнулась носом в сюртук. Чистый, выглаженный, пахнущий луговыми ромашками и тленом. Не знаю, кто как, а я за ним ухаживаю. Причесываю, переодеваю, даже гулять вожу, когда никто не видит. Непонятно, почему Луиза его в первый раз напугалась – ну сероват слегка, ну сосуды просвечивают. Для зомби так вообще шикарно выглядит. Не разлагается даже. Почти.

– Считаешь, стоит с ним поговорить?

Я задрала голову и заглянула в пустые стеклянные глаза.

Луни никак не считал, а я в этот миг подумала – почему бы и нет? В конце концов, терять мне особо нечего.

Знала бы Луиза, что на самые безумные мысли и необдуманные поступки меня наводит она! Взять хотя бы злосчастный бал, с которого все началось, но могу поклясться, даже Луизе никогда бы не пришло в голову сделать то, что собираюсь сделать я.

Барнс принял трость из рук Альберта, лорд Фрай направился в коридор, я же поспешно нырнула назад и перевела дух.

Соберись, Тереза! Немедленно соберись!

– Леди Тереза?

Он вышел из-за поворота слишком неожиданно: я забыла

и про реверанс, и про взгляд из-под ресниц, и про милую улыбку. За все время нашего знакомства мне ни разу не удалось понять, когда и что чувствует Альберт, да и чувствует ли что-то вообще. Зато сердце снова затрепыхалось, как рыбина на крючке, когда он поцеловал мои пальцы.

– Лорд Фрай, можем мы поговорить наедине?

Он слегка приподнял брови – похоже, мне все-таки удалось… что-то. Что-то да удалось. Глаза у него зеленые-зеленые, точно листва ночью под светом фонарей. Почему-то когда природа создает совершенство, она не задумывается, как будут чувствовать себя другие. Жаль, я рисовать не умею. Кожа у него светлая, но бледной не назовешь, волосы каштановые и коротко стриженные, по последней моде. А еще длинные, чересчур хрупкие на вид пальцы, вот только когда он брал меня за руку, я чувствовала исходящую от него силу.

– Думаю, Винсент не обидится, если я немного задержусь.

Это вряд ли. Если к Винсенту на минуту опоздать, потом можно выслушать много всего приятного, но… сейчас. Или никогда.

Мы прошли по коридору, и лорд Фрай открыл передо мной дверь в Зеленую гостиную. На миг окатило стыдом – горячим, удушливым, но я все равно уверенно шагнула вперед. Фисташковые обои плавали перед глазами вместе с мебелью, камином и статуэткой из лацианского стекла.

– Речь пойдет об графе де Ларне, я полагаю? Могу вас заверить, что делаю все от меня зависящее…

Знаю, что делаете.

– Поверьте, я вам искренне благодарна, но говорить хочу о другом.

В последние дни все с ног сбились, чтобы найти способ избавить меня от него, лорд Фрай – не исключение, и от этого на сердце самую капельку теплее. Но даже останься он безучастен, моих чувств это бы не отменило.

– Альберт, дело во мне. То есть в нас. В вас и во мне… то есть…

Я расправила плечи и решительно встретилась с ним взглядом.

– Я должна была поговорить с вами раньше.

Пять лет назад, когда брат впервые представил меня вам. Или два года спустя, когда вы стали чаще бывать в Мортенхэйме и развлекать матушку беседами. Когда наша семья снова стала ужинать вместе: не ради приличий, а потому что вы нас помирили и объединили.

– На сезон я приехала из-за вас. Я бы никогда не осмелилась покинуть Мортенхэйм в своем возрасте, и тем более не решилась на такой дерзкий наряд.

Я глубоко вздохнула и сцепила руки – так, что заломило пальцы.

– Мои чувства к вам родились не вчера, но я молчала, потому что… Не знаю, почему, это все неважно, и прошлое я изменить не могу. Зато могу изменить настоящее. Альберт, я люблю вас.

Признание далось непросто, но голос не сорвался. Своды Мортенхэйма не покосились и не рухнули, не погребли меня под завалами. Дыхание не прервалось – напротив, стало как-то легче, даже в груди больше не жгло.

– Я польщен, – он сжал мои руки, и меня затрясло. – Польщен тем, что вы обратили на меня внимание, тем, что приехали в Лигенбург ради меня и тем, что решились вызвать на откровенный разговор. Вы удивительная женщина.

Слишком много комплиментов на одну невзрачную меня. Неужели?..

– Откровенность за откровенность, леди Тереза. Я женат.

Я отняла руки, отшатнулась.

Женат?

Всевидящий, этого не может быть! Никакой жены в Мортенхэйме ни разу не было. На бал Уитморов он приезжал один, и на Зимний праздник – тоже! А ведь они с Винсентом лучшие друзья! Он знал об этом? Да почти наверняка знал!

Вот теперь на меня что-то рухнуло, по ощущениям – всей тяжестью могильной плиты из фамильного склепа. Плечи сгибались, а мертвый холод проникал в каждую клеточку тела, отравляя изнутри.

– Почему я никогда ее не видела? – Прозвучало зло.

Да я о ней даже никогда не слышала!

Он шагнул вперед и оказался со мной лицом к лицу. В глупых мечтах Альберт меня целовал, я дрожала в его объятиях, а холод в душе таял, точно лед в бокале в летний день.

Нет, теперь мне уже никогда не отогреться.

– У меня много врагов, миледи.

Врагов? На государственной службе? Ну да, наверняка много, он же занимается безопасностью при дворе или чем-то вроде – Винсент особо не распространялся об этом.

– У Винсента тоже, но он не прячет свою невесту.

Глупый упрек: Луиза едва не погибла из-за политических игр брата.

– Вы ее прячете? Закрыли в милом уютном домике и никому не показываете?! Как она, счастлива такой жизни?

Он попытался взять меня за руки, но я отпрянула.

– Уходите! Не нужно жалости.

Особенно вашей.

Может, у них и дети есть?

Дура, какая же я дура!

– Леди Тереза, я бы не позволил себе жалеть вас. Вы достойны восхищения, а ваш избранник станет самым счастливым человеком.

Да что вы говорите! Один уже стал. Стоит и светится от счастья… с другой!

Но светился Фрай не от счастья, он просто выделялся из той непроглядной тьмы, которая расползалась от меня: черное облако, отравляющее все живое. Он его не видел, никогда не увидит – просто в такие минуты людям становится рядом со мной не по себе, и они стараются сбежать из комнаты. Альберт же даже на шаг не отступил, но я не хотела, чтобы

оно коснулось его хотя бы случайно.

– Уходите! Забудьте обо всем, что я вам наговорила. Убирайтесь!!!

Лицо его тронуло что-то похожее на сожаление: уголки губ опустились, в глубине глаз мелькнула затаенная боль. Альберт молча поцеловал мою руку и вышел, я же без сил рухнула в кресло.

Воздух в гостиной стал вязким, цвета утратили яркость. Ни звука, ни дуновения ветерка, только глухие удары сердца звенели набатом: на грани между жизнью и смертью пустота сильнее всего. Обои поблекли, а лацианская танцовщица на каминной полке напоминала лоскут призрачной тени, холодный бесцветный сгусток стекла. Я смотрела на пепельно-мертвенные портьеры и улыбалась, видеть мир через призму смерти не страшно. Куда страшнее смотреть на жизнь через розовые очки.

6

Яркий солнечный свет лился через огромные эркерные окна, от этого просторный кабинет Винсента казался еще больше. Я старалась не смотреть на кресла и оттоманку: темно-зеленая обивка напоминала мне о малой гостиной и состоявшемся недавно разговоре. А вот стеллажи с книгами мне нравились. Знания и шелест страниц – моя стихия.

– Как поживают матушка и Лави?

– Посещают все приемы, на которые успевают добраться. Я пока им ничего не говорил.

К счастью. Пусть продолжают думать, что я сбежала с сезона.

В уголках губ Винсента залегли глубокие складки, в глазах – усталость. Он побледнел, осунулся: в последние дни почти не вылезал из своего кабинета в Мортенхэйме – в перерывах между балами, приемами и делами в парламенте. Даже с Луизой умудрился поссориться, она написала мне, что мой брат – грубиян, и место ему на конюшне, а не в палате лордов. Ничего, это пройдет: они друг без друга долго не могут.

– Мы с Хоггартом изучили договор вдоль и поперек. Консультировались с лучшими юристами. Обряд не противоречит нашим законам, поскольку был проведен с согласия и по воле родителей несовершеннолетних жениха и невесты.

Энгерия! Высокоразвитое общество, в котором до сих пор могут признать такую дикость. Хотя женщин вообще ни о чем не спрашивают.

– Лорд Фрай лично ездил в Варру.

При упоминании Альберта сердце надсадно заныло, но… Никто не виноват, что все эти годы я была настолько слепа. Лорд Фрай – благородный, состоявшийся мужчина – свободен? Смешно. Было бы. Если бы не хотелось в кровь разбить руки всякий раз, когда вспоминаю об этом.

– Ваш брак заключен в Вэлее, но перед этим отец и родители де Ларне заручились поддержкой варрского кардинала. – Брат скривился, словно каждое слово причиняло ему боль. – Все законно.

Вот так. Не будь благословения кардинала, оставалась бы маленькая церковная лазейка, но увы. Отец все просчитал, а Луиза оказалась права – мне придется отправиться в дом к новоиспеченному супругу, придется поехать с ним в Вэлею. По-плохому. А по-хорошему… Я не умею договариваться. Не умею просить.

– Не мог же он отказать герцогу де Мортену, взнос которого в церковную казну больше годового дохода маленького государства.

В словах Винсента была бессильная горечь, но что самое странное, мне вдруг стало все равно. Настолько, что словами не передать.

Я посмотрела через плечо брата – за окном раскинулся

парк, больше напоминающий лес. Залитые солнцем деревья жались друг к дружке, переплетаясь кронами. В детстве я любила бесконечно бродить по дорожкам под оханье и причитание няньки. Ей было невдомек, почему юная леди вместо того чтобы играть в куклы обнимается с деревьями или часами сидит на земле, как простая крестьянка. Я же тянулась к жизни, потому что смерти мне хватало через край. С возрастом это прошло: я полюбила смерть, книги и одиночество.

– Почему отец мне ничего не сказал?

И впрямь. Столько было разговоров о достойном для меня муже, но никогда – о графе де Ларне. Отец растил нас с мыслью, что мы особенные, наверняка он выбрал его по тому же принципу, по которому в свое время обратил внимание на Луизу Лефер. Сильная магия старинного рода. Помешанный на магии, Уильям де Мортен частенько заявлял, что «породу надо улучшать», как будто мы были собаками или племенными лошадьми. Он женился на матушке, потому что та несла в себе древнюю кровь некромагов. Скрытую силу, которая проявилась во мне.

О, как отец хотел сына с таким могуществом! Но ему не повезло: родилась я.

– Хоггарт трясся от страха, когда нашел эту бумажку. Уверял, что все действующие документы после смерти отца предоставил мне. На самом деле неудивительно, что договор оказался в архиве: родители де Ларне погибли, когда ему бы-

ло шесть. Ваш супруг долгие годы считался пропавшим без вести, только после совершеннолетия занялся восстановлением титула, земель и наследства.

– Это он сам вам рассказал?

Винсент кивнул.

– Лорд Фрай проверил его слова. Воспитывался он в Маэлонии, у дальнего родственника отца. Все правда.

А что могло оказаться неправдой? Мой муж – вовсе не мой муж? Невозможно. В отличие от обычного, такой договор не подделать, магию крови не обмануть. Браслет на моей руке появился потому, что я – жена Анри Феро, графа де Ларне. На этой мысли мне отчаянно захотелось что-нибудь разбить. Желательно, о супружескую голову.

– Какая у него сила?

– Этого я не знаю, – Винсент положил руки на стол и сцепил пальцы. – Сами понимаете, после его поступка наши отношения далеки от дружеских.

Наверняка, что-нибудь связанное со стихиями, хотя… Помню, отец пытался подыскать мне супруга из рода сильных целителей, даже ездил в Лацианскую республику, но вернулся ни с чем. Как же я радовалась тогда!

– Одно ваше слово – и вы никуда не поедете.

Мой брат – человек дела. Скажи я это самое слово, Анри придется привести под стены Мортенхэйма армию, чтобы меня получить.

Скандал, какой это будет скандал! Шутка ли – не отдать

женщину законному мужу. Это перевернет все устои, перетряхнет Энгерию так, что имя Винсента еще долго будут полоскать в газетах. Если же Анри попытается увезти меня силой…

Я сжала край письменного стола так, что побелели пальцы.

Эта волна сметет всех нас – и матушку, и сестру с ее хрустальными мечтами, и Луизу, которая готовится к свадьбе. Сейчас Лави пляшет на балах, но будет вынуждена запереться в Мортенхэйме, как я. Луиза заказала ткани и ждет первой примерки, но после такого свадьбу наверняка придется отложить. А ведь они с Винсентом не так давно пережили самый настоящий кошмар! И вот сейчас снова…

Любой другой на его месте охотно вручил бы меня мужу. Другой, но не мой брат. И я не позволю ему окунуться в этот кошмар.

– Я хочу поговорить с графом де Ларне.

Винсент нахмурился.

– Тереза…

– Я найду способ получить развод.

Брат покачал головой.

– Вы знаете, что я уже говорил с ним об этом. Неоднократно.

– То были вы.

Гордость обжигала грудь, но я упрямо сжала губы:

– Ни один мужчина не захочет держать при себе женщину,

которой он неприятен.

Винсент молчал долго, я уже начинала думать, что меня посадят под замок, а спустя пару-тройку дней начнется осада, когда услышала:

– Ваше право. Я приглашу де Ларне в Мортенхэйм.

Я надела любимое платье: черное, с кремовым воротником под горло и тонким кремовым кружевом на рукавах. Волосы стянула в пучок и спустилась в библиотеку, где дожидался мой… гм, супруг. По правилам приличия следовало принимать его в гостиной, но если уж эта встреча должна состояться, она состоится на моей территории и на моих условиях. Здесь – среди высоченных стеллажей с книгами, пахнущих пылью, бумагой и кожей, в полумраке задернутых портьер и тишине.

Чай уже подали, но он к нему не прикоснулся. Когда я вошла, стоял у каталога и листал его с явным интересом. Кто-то приказал раскрыть занавеси, и сейчас библиотеку заливал яркий солнечный свет. Он расплескался по столам и диванам, подчеркивая контраст темно-красной обивки и черного дерева.

– Замечательная библиотека.

– Благодарю.

Я еще не решила, как с ним держаться, но позволять ему чувствовать себя хозяином положения не собиралась. Достаточно того, что однажды ему удалось застигнуть меня врас-

плох.

Анри захлопнул книгу и посмотрел на меня. Себе он не изменял: все те же вольности в одежде, все тот же насмешливый взгляд. И еще эти длинные волосы… Никогда не любила длинноволосых мужчин! А теперь так вообще терпеть не могу!

– Тереза, у тебя траур?

– Леди Тереза.

– Говорить с молодой красивой женой, как с престарелой родственницей? Это не мое.

– Я вам не жена. Вы обманом принудили меня к замужеству.

– Не обманом, а хитростью. Это разные вещи.

– Неужели?

– Для завершения обряда поцелуй должен быть добровольным, – Анри коротко улыбнулся. – Так что да, Тереза. Разные.

Ах, так?

Я сложила руки на груди и кивнула в сторону одного из столов, где дымился чайник, стояли белоснежные чашки и блюдца, расписанные птицами и цветами.

– Не люблю чай.

– Что же вы любите?

– Кофе. Черный. Без сахара.

Редкостная гадость. Как это вообще можно пить?

– В любом случае, прошу.

Мы прошли к окну, я устроилась на стуле, но Анри садиться не стал. Предпочитает стоять? Его дело.

– Я хотела поговорить о нашем неловком положении.

– Внимательно слушаю.

– Я не рассчитывала выходить за вас замуж.

Я сказала «за вас»? О, чтоб мне провалиться!

– Это я уже понял.

Я сжала руки в кулаки, досчитала до трех и… не стала наливать себе чай. Пока есть желание плеснуть в лицо собеседника кипятком, лучше держаться подальше от искушения.

Анри облокотился о спинку моего стула, наклонился, и его дыхание легко скользнуло по шее – как раз там, где заканчивался жесткий высокий воротник и начинались волосы. Стало слегка щекотно, вдоль позвоночника побежали мурашки.

– Будьте так любезны, сядьте. Я не привыкла разговаривать спиной к собеседнику.

– Так повернись.

Я прищурилась и обернулась: он склонялся надо мной, недопустимо близко. Его губы были совсем рядом, весьма некстати вспомнился наш поцелуй. Все мысли и умные слова разом вылетели из головы, я забыла, о чем хотела сказать. Ладони вспотели, захотелось немедленно отодвинуться, а еще лучше – пересесть, но… нет. Я не собираюсь играть по его правилам и уж тем более поддаваться.

– Мне нужен развод, Анри.

Вместо ответа он провел пальцами по моей щеке – мягко, и в то же время настойчиво, в висках застучала кровь. Я отшвырнула его руку и вскочила. Внутри бурлила магия – яростная, как сама первозданная тьма. Временами мне и самой казалось, что однажды я не сумею с ней совладать, но сейчас было бы даже приятно позволить ей вырваться наружу.

– Не смейте ко мне прикасаться!

– Я буду прикасаться к тебе, сколько захочу.

– Не слишком ли много вы на себя берете?

– Отнюдь. Я и так слишком долго позволял твоему брату и его прихвостню копаться в моем прошлом.

Он это сейчас… об Альберте?! Ты кого прихвостнем назвал?!

Я бросилась на него, но пощечины не вышло: мою руку перехватили молниеносно, и так же молниеносно вывернули за спину, прижимая меня к себе. От боли искры из глаз посыпались, я закусила губу.

– Никогда больше не пытайся меня ударить. По крайней мере, пока я сам не попрошу.

Удивительно, но хватка ослабла – ровно настолько, чтобы можно было двигаться без боязни вывихнуть запястье, он перехватил вторую руку и мягко завел ее за спину. Я всегда стеснялась своего роста, сейчас же приходилось стоять, запрокинув голову – такой Анри был высокий. Браслеты пальцев жгли запястья раскаленным железом, словно полыхаю-

щий в ореховых глазах золотистый огонь собирался в его сильных руках, а я не могла отвести взгляд от красиво очерченных губ. Одно лишь воспоминание о поцелуе – и внутри все сладко сжимается. Демоны!

– Где вы были все это время?

– Разбирался с делами семьи. Развлекался. Путешествовал. Спросите у брата, у него на столе наверняка полный отчет о моей жизни.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Я рванулась, но мягкость захвата оказалась обманчивой.

– Почему бы вам дальше не развлекаться без меня? – прорычала я, безуспешно пытаясь брыкаться. Добилась только того, что меня плотнее притянули к себе. Моя грудь прижималась к его, пожалуй, слишком бесстыдно. Соски напряглись, а корсет стал непростительно тесным.

– С тобой интереснее.

Укусить его что ли?

– Вам наплевать, что меня от вас тошнит?!

– Сильно?

Под жарким взглядом я окончательно потерялась, снова дернулась назад – на этот раз удачно, отступила на несколько шагов.

– Вы отвратительны!

Анри смотрел спокойно и отстраненно, точно не слышал моих слов.

– Предлагаю поступить так: ты переезжаешь ко мне, и мы

остаемся в Энгерии до свадьбы твоего брата. Если у нас не заладится, я дам тебе развод.

– А если я откажусь? – процедила я, растирая запястья, стараясь стряхнуть память о его прикосновениях.

– Я увезу тебя в Вэлею. Мы оба прекрасно знаем, что помешать этому не может никто.

Мерзавец! Какой же он мерзавец!

Выставлю его сейчас – получу небольшую отсрочку, вот только какой ценой? Чем портить жизнь своим близким, лучше портить ее Анри де Ларне. Заслужил!

– Вы об этом пожалеете!

– Или тебе понравится.

Он прищурился и протянул мне руку, но я вызывающе сцепила пальцы за спиной.

– Моего приданого вы не получите. В договоре прописано, что в случае развода все возвращается в казну брата.

Вот теперь его взгляд стал по-настоящему холодным, точно иней побежал по стеклу.

– Думаете, мне нужны ваши деньги, миледи?

О! Мы снова говорим уважительно! Да неужели?

– Понятия не имею, что вам нужно. Меня это совершенно не волнует.

Понравится, говорите? Да через пару месяцев вы будете умолять Винсента, чтобы взял меня обратно, или я не Тереза Биго!

7

Слова отказывались складываться в предложения, даже почерк выходил кривым, ногой и то симпатичнее написать можно.

> *«Вместо того, чтобы достойно принять ваш ответ, я на вас накричала».*

Я недавно вернулась с конюшен после утренней прогулки: в ушах сквозь топот копыт все еще свистел ветер, перед глазами стояла грива, летящая черным пламенем, а напоенный весенними ароматами и прохладой воздух бил в разгоряченное лицо. Мимо проносились беседки, усыпанные гравием дорожки стелились серыми лентами, а чуть поодаль застыл большой пруд, в котором отражалось низкое темно-серое небо, готовое вот-вот обрушиться на Мортенхэйм проливным дождем. И оно обрушилось: какой это был ливень! Сплошная стена, врезавшая в зеркальную поверхность воды, вспоровшая ее хлесткими плетьми, и молнии, чертившие узоры от неба и до самой земли. Раскаты грома эхом разносились над землей, и, казалось, от них содрогается даже громада замка.

Когда я поднялась в комнаты, с меня лилось ручьем, выбившиеся из прически пряди липли к лицу. Мэри ахала, помогая мне раздеваться, но какой это был восторг! Летние

ливни не похожи на трусливые осенние дождички, которые только и могут что забираться за воротник и превращать землю под ногами в размокшее грязное месиво.

«Пожалуй, это просто попытка оправдаться. Объяснить, почему я выставила вас, хотя должна была просить прощения за свои нелепые слова…»

Какое-то время я смотрела на листок, а потом девятнадцатая попытка объясниться в чувствах лорду Фраю рассыпалась прахом. В прямом смысле: одной серой горсткой на столе стало больше, и я смахнула пепел своей любви на ковер. Идиотская это затея – писать мужчине, собираясь в дом к… будь он трижды неладен, мужу. Сначала надо разобраться с проблемой по имени Анри Феро, а потом можно и любовью заняться.

Какой смысл об этом писать? Все равно ведь не смогу рассказать правду. То, что из меня вырастил отец – повод для очередного скандала: девиц в Энгерии учат лишь простейшим слабеньким заклинаниям, потому что на другое они не способны. Все закономерно и предсказуемо: поскольку женщине у нас отводится исключительно роль матери и покорной жены, сила ей вроде как без надобности. Вот и отмерла, как хвостик, в процессе эволюции. Правда сейчас, когда магия в мире стремительно угасает, даже среди мужчин все реже встречаются сильные маги.

Негромкий стук в дверь – и в спальню вплыла матушка. Она уже опомнилась после новостей и выглядела спокойной,

если не сказать счастливой. Даже собиралась устроить в нашу с де Ларне честь прием, отбиться от которого удалось только совместными с Винсентом усилиями. Аханий и причитаний было на несколько дней – как же, Тереза Биго вышла замуж без бала и торта размером с дом, моду на которые ввела ее величество Брианна.

– Тереза, вы уже собрались?

Иногда мне кажется, что смысл великосветских вопросов в том, чтобы сказать что-нибудь, когда больше сказать просто нечего. Лично я в таком случае предпочитаю молчать. Мои вещи – собранные и упакованные, лежали в соседней комнате. Поскольку матушка вошла не через окно и не через каменную кладку, как призрак, она наверняка их видела.

– Вы уверены, что не хотите отпраздновать свадьбу?

– Если и есть что-то, в чем я сейчас уверена, то как раз в этом.

– Но это так невежливо! Многие хотят засвидетельствовать вам свои наилучшие пожелания.

Ну что тут скажешь? Я не нуждаюсь ни в поздравлениях, ни в утешениях. Когда она уже себе уяснит, что не выходила я замуж? Не выходила!

Поскольку молчание затянулось, матушка обошла столик и села на маленький круглый пуфик у окна.

– Дорогая, попробуйте взглянуть на случившееся с другой стороны.

Уже взглянула: снизу, сверху и даже по диагонали. Разни-

цы никакой.

– Вы уже не так молоды, как… Лавиния.

В переводе на искренний: девица на выданье не первой свежести.

– Возможно, этот брак откроет вам новые горизонты.

Перевожу: ваш последний шанс устроить свою судьбу и перестать мозолить мне глаза.

– Я бы хотела вам кое-что рассказать.

А вот это уже интересно.

– Первая ночь между мужчиной и женщиной…

Беру свои слова обратно. Это не интересно. Ни капельки.

Для начала, я выросла за городом, у меня тут псарня под боком. И лошади: тот же Демон ни одного красивого хвоста с гривой не пропускал. Наше с ним утреннее прощание вышло не из легких – он чувствует меня так же, как Луни. Не представляю, как выдержу без них эти месяцы: доверять его в городские конюшни не хочется, а зомби в сундук не запихнешь. Точнее, запихнуть-то можно, но рано или поздно придется достать, и тогда у моего новоиспеченного муженька возникнут вопросы. Припугнуть его не помешало бы, но моя сила – не то, о чем стоит кричать на каждом углу.

– В целом, это не так уж и страшно, – подводит итог матушка.

Вижу: лицо у нее при этом такое, точно она проглотила палку. К счастью, я не слышала ни словечка из того, что она бормотала – умение уйти в себя на редкость полезная шту-

ка. Да я и не собираюсь становиться его женой по-настоящему. Нет-нет-нет, только не с этим мерзавцем, возомнившим, что какая-то бумажка и древний обряд, проведенный демоны знают когда, дает ему право распоряжаться мной, как своей собственностью.

– К тому же, граф де Ларне – весьма привлекательный мужчина.

Да я лучше голой по площади короля Витэйра пройдусь! Стоит только увидеть эту самоуверенную физиономию и насмешливую улыбочку на красивых губах, как хочется… Гм. Ладно, оставим тему его губ.

– И достаточно опытный, я уверена.

Нет, это выше моих сил.

Я вскочила, чудом не смахнув со стола чернильницу. Както Луиза тоже попыталась завести об этом беседу – в смысле, не об Анри, тогда его еще и в помине не было, о близости с мужчинами. Пришлось зажать уши и долго мычать до тех пор, пока она не поняла, что это бесполезно.

– Матушка, скоро приедет экипаж. И еще я обещала переговорить с Винсентом.

– Девочка моя!

Ее светлость протягивает ко мне руки. Не знаю, насколько искренни ее объятия, но сейчас мне это не важно. Я обнимаю ее, и запах духов, пикантно-терпкий: фрезия, ирис, полынь – на миг возвращает меня в детство. Во времена, когда я еще не боялась толпы и не представляла для отца ни малейшего

интереса. Туда, где матушка чаще брала меня на руки и кажется, я даже помню ее улыбку – еще не такую горькую и ядовитую, как спустя несколько лет.

Мы вместе выходим из комнаты: я якобы иду «переговорить» с Винсентом, на деле же просто хочу избежать долгих прощаний. Чтобы случаем не наткнуться на Лавинию – она тоже считает, что я слишком остро все воспринимаю, или кого-нибудь еще, спускаюсь в подземелье. Здесь гораздо спокойнее – слуги сюда не заглядывают, потому что погреб находится в другой части замка. А еще здесь есть призраки. Бестелесные создания, которые обитают на грани, полупрозрачные и совершенно безвредные – если не влить в них силу. По сути, что такое призрак? Слепок с сильной эмоции – ужаса, боли или любви, это не человек и не его душа, как принято считать, просто память о нем. Тень.

Обычные люди их видеть не могут, поэтому все россказни о витающей над кроватью белой фигуре или полупрозрачной даме с перерезанным горлом – бульварные ужасы. Зато призраков можно почувствовать: они – часть неживого мира, поэтому приносят за собой холод. Вот и сейчас парочка шляется из угла в угол, а точнее, парит. На меня они не обращают никакого внимания. Поначалу еще пробовали мельтешить и бросаться, но довольно скоро поняли, что это бессмысленно. Некоторые уже совсем прозрачные. Ничего, растают когда-нибудь.

– Я скоро вернусь, – доверительно сообщаю я, и Луни

недовольно ворчит. – И обязательно буду тебя навещать.

– Тереза.

Надо же, даже не заметила, как Винсент спустился. Позавчера у нас был нелегкий день: ему пришлось принимать газетчиков и всякую шушеру, которые требовали комментариев по поводу моей скоропалительной свадьбы. И здесь он принял удар на себя – отказался встречать их вместе с моим муженьком, заявил, что прием состоится позже, а ко мне не подпустил никого.

– Вы не передумали?

Качаю головой. К счастью для всех, я не привыкла сомневаться в своих решениях.

– Будьте осторожны с де Ларне, Тереза. Он не так прост, каким хочется казаться.

Ни капельки не сомневаюсь. Хитрый самовлюбленный мерзавец.

– Не показывайте ему силу.

– А если мне захочется развеять его по ветру?

Ох, наконец-то улыбнулся. Улыбка на лице брата – явление редкое, как солнечный день осенью.

– Тереза, я не шучу. Просто будьте с ним осторожны.

– Вечно вам какие-то заговоры мерещатся.

– Вы моя сестра. Не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось.

В тех кругах, где вращается Винсент, заговоры и впрямь на каждом шагу, но ко мне они не имеют никакого отноше-

ния. Скучнее моей жизни только история развития арнейского – четырехтомник авторства Моллена Тоне. Как бы ни хотелось верить в темное прошлое Анри, которое позволит шустро избавиться от супружества на законных основаниях, надежды эти напрасны. Граф де Ларне – такой же, как отец. От меня ему нужны дети, и ничего кроме. Здоровые дети с сильной магической кровью. Ну и еще имя моих предков – Биго, де Мортен, чтобы не стыдно было родословную составлять.

– Со мной ничего не случится, Винсент.

– Если вам понадобится помощь, только скажите. Если он оскорбит вас хотя бы словом…

Оскорбил, раз десять уже. В Энгерии это не считается: джентльмен должен быть учтив и галантен, мужу позволено все.

Я поправляю Луни манжеты и киваю ему в сторону дальних подвалов. Он послушно плетется туда, а мы с братом направляемся к лестнице. Факелы гаснут один за другим, тени прыгают по полу точно испуганные зайцы. Вообще-то можно тушить огонь, не прибегая к силе – но когда еще я смогу ей воспользоваться? Поэтому сейчас мягко ступаю сквозь холод и поблекшие краски, сминая белое пламя вязким, непригодным для дыхания воздухом.

В Лигенбург мы возвращаемся вместе. За окнами проплывают пейзажи: зеленые луга, лес и небо, раскрашенное закатным солнцем. Мэри уткнулась в пол – ей непривычно

путешествовать со всеми нами, исходящее от нее напряжение невольно передается и мне. Лавиния непривычно молчалива, матушка непривычно добра, а Винсент непривычно мягок. Зачем делать такие лица? Честное слово, на похоронах и то веселее.

– Тереза, думаю прием лучше устроить за пару недель до Праздника лета… – начинает было матушка, но осекается под тяжелым взглядом Винсента. Да сколько же можно?! Раз десять обсудили, что не хочу я никакой шумихи по поводу моего замужества. Долго оно не продлится, так к чему устраивать цирк?

Дом, где остановился де Ларне, расположен в центре Лигенбурга – небольшой двухэтажный особнячок, стиснутый такими же небольшими уютными домиками. С одной стороны окна выходят на оживленную улицу, а что там с другой, интересно? Я бывала в этом районе, когда приезжала к Луизе в гости, здесь в основном живет средний класс – то есть люди, которые могут позволить себе немногим больше, чем квартиру.

Как ни странно, Анри встречает нас сам: дворецкого, поблизости не видно, слуги заносят мой багаж в дом. Пока я озираюсь по сторонам – холл здесь просто крохотный, не развернуться, а еще поразительно светлый из-за окна между этажами и витража под лестницей, брат и супруг застыли друг напротив друга.

– Если с головы моей сестры упадет хотя бы волос…

– Волосам свойственно выпадать, де Мортен, это природа. Не переживайте, я сумею позаботиться о своей жене.

На краткий миг мне кажется, что Винсент его ударит – и хорошо, если не магией армалов, но ярость брата отражается лишь в резче обозначившихся скулах да раздувшихся ноздрях.

– До встречи, де Ларне. Тереза.

Когда за ним закрывают двери, Анри подает мне руку, и в его глазах я вижу все то же выражение насмешливого превосходства. Да он действительно вылитый отец! Вот только в случае отца это было оправдано, а вы кто такой, милорд?

Я гордо вскидываю голову и отворачиваюсь.

Ничего, вскоре вы не захотите иметь со мной ничего общего: не только детей, но даже одну фамилию.

8

Теперь, когда ступор уже миновал и осознание того, что я здесь всерьез и надолго, навалилось на меня всей тяжестью, я могла спокойно рассмотреть свое временное жилище. Оно оказалось действительно… небольшое. Балы здесь вряд ли можно устраивать, по той причине, что бальной залы не найдется. Да и потолки низкие, даже если забыть о Мортенхэйме. Городской особняк брата по сравнению с этим – просто королевский дворец, даже у Луизы домик поаккуратнее и побольше. Как он там говорил – деньги ему не нужны? Судя по этой развалюхе, ему нужны не деньги, а деньжищи.

– Вы проводите меня в мою комнату?

– После ужина – разумеется, – ему нравилось за мной наблюдать, а мне не нравилось, что он за мной наблюдает, поэтому я отвернулась.

– Я не голодна.

– Замечательно, составишь мне компанию, – Анри кивнул невысокому, но крепкому и достаточно молодому мужчине, одетому не в пример вольно для прислуги: да на нем даже сюртука нет, только рубашка, а жилет расстегнут! – Жером, проследи, чтобы вещи графини отнесли в спальню.

Последнее было сказано на вэлейском, и сочетание этого языка с голосом Анри отозвалось странной дрожью. Графини? Брр! Нет, я не графиня, я леди Тереза Биго, и об этом

стоит напоминать себе почаще. А еще мне не нравилось, как он держит мою руку – не так легко, как должно, а снова переплетая наши пальцы. Какое счастье, что я в перчатках!

Парень тем временем кивнул в ответ и вместе с помощником – худосочным брюнетом, одетым, впрочем, так же свободно, поволок мои сундуки наверх. Ничего, долго им подниматься не придется – лестница здесь малюсенькая, сколько на ней ступенек? Десять? Или целых двадцать?

– Почему ваша прислуга одета как портовые грузчики?

– А ты пробовала таскать тяжести в верхней одежде? – муженек посмотрел на меня насмешливо. – Советую попробовать, сразу все вопросы отпадут.

На миг я даже дар речи утратила.

– Это не повод одеваться как… как…

– Как портовые грузчики, я понял.

О чем я говорю! Анри сам не имеет ни малейшего представления о том, как должен выглядеть джентльмен. И он ни капельки ни похож на отца – тот со стыда бы сгорел, если бы позволил себе появиться перед мамой в таком виде: мало того, что длинные волосы рассыпались по плечам, так еще и рубашка снова не застегнута до конца. Он вообще в курсе, что на ней есть еще две пуговицы? А уж если бы кто-то из наших слуг так оделся, мигом получил бы расчет. И никаких рекомендаций.

Тут только я вспомнила про Мэри – она сцепила руки за спиной, и в глазах ее читался точно такой же вопрос: «Все-

видящий, куда я попала?»

– Где я могу привести себя в порядок? – мой голос и так был ледяным, даже притворяться не пришлось.

– Прошу.

Мы поднялись наверх, Мэри последовала за нами. Я отметила простенькие обои на стенах – нежно-абрикосовые, и полупрозрачные газовые светильники с тонкими пузатыми плафонами. Коридор небольшой, но слуги нам навстречу не попались – должно быть, здесь есть еще одна лестница, поразительно! Анри толкнул дверь, и я оказалась в небольшой спальне, в которой из мебели было всего-ничего: ореховая, огромная для такой комнатушки кровать, массивный комод, над которым примостилось зеркало в позолоченной раме, один-единственный стул и… все! Ни столика, ни кресел, ни кушетки – впрочем, тут их даже впихнуть некуда.

Мне доводилось гостить у Луизы, но это был скорее интересный опыт. Здесь же мне предстоит жить!

– Приводи себя в порядок и спускайся. Я буду в столовой, попрошу Жерома тебя проводить.

Он наконец отпустил мою руку, я подошла к окну, отодвинула шторы, и… забыла обо всем. Золото весеннего заката расплескалось на Лигенбургом, солнце отражалось от крыш, огнем полыхало в окнах, заливало стены домов теплым светом. Справа сиял купол Миланейского собора, чуть подальше переливались красками своды Большого королевского театра. Площади короля Витейра отсюда не было вид-

но, зато ведущая к нему улица, выложенная брусчаткой, петляла между домами. Дневная суета затихала, но внизу все равно сплошным потоком текли люди. Отгороженная от них стеклом и стенами, я все равно не чувствовала себя спокойно. Похоже, придется учиться справляться со своими страхами. Не могу же я целыми днями сидеть дома, а в центре постоянно много народа.

– Леди Тереза.

Мэри напомнила о себе, и я с явным сожалением отошла от окна, напоследок бросив взгляд на джентльмена в темно-серой одежде, застывшего в тени переулка аккурат напротив нашего дома – между пекарней и скобяной лавкой. Он курил сигару и крутил в руках часы на цепочке: наверное, ждал даму сердца.

Мэри то и дело приглаживала светлые волосы, хотя с прической у нее все было в порядке.

– Мне разобрать вещи, миледи?

– Разумеется.

Бежать уже поздно, да и не стоит. Я покину этот дом с достоинством – так же, как вошла в него. Через два месяца, возможно раньше, но не позже уж точно.

– Гардеробная, очевидно, там, – я кивнула в сторону полупрозрачных раздвижных дверей, справа от кровати.

– А где буду жить я?

Хороший вопрос. В Мортенхэйме и городском доме брата для камеристок были предусмотрены смежные комнаты, как

с этим обстоят дела здесь, я пока не знаю. Возможно, вся прислуга живет внизу, здесь все с ног на голову. Ох, как же это неудобно!

– Скажу чуть позже.

Я сняла шляпку, положила ее на комод и быстро глянула на себя в зеркало: привычно строгое платье стального цвета и собранные на макушке волосы. Всего-то пришлось заправить несколько непокорных выбившихся из прически прядей за уши, разгладить воротник. А вот теперь можно идти.

Определенно, это самый странный ужин изо всех в моей жизни. В столовой не было никого, кроме нас. Даже лакеев, подающих блюда: все кушанья уже расставили по столу, включая десерт. Шторы были плотно задернуты, свет рассыпали дюжины свечей, расставленных по комнате в старинных подсвечниках. Стоило войти, как Анри поднялся, чтобы отодвинуть для меня стул. Он не переодевался, только волосы стянул лентой, темно-бордовая рубашка по-прежнему была расстегнута на две злосчастные пуговицы.

Я подавила желание их застегнуть, вздернула подбородок, устроилась за столом и стянула перчатки. Браслет в темноте тут же вспыхнул золотом, почти как глаза мужа. Никогда не боялась темноты – с моим-то даром, но этот полумрак меня отчего-то нервировал. Хотелось подняться и зажечь светильники, а еще лучше – распахнуть шторы, чтобы впустить в комнату внешний мир. Необычное чувство.

– Вам не кажется, что здесь слишком темно?

– Вовсе нет.

Он подвинул ко мне бокал вина, и как бы невзначай накрыл мою руку. Нож только чудом не вырвался на волю и не запрыгал по полу. От прикосновения пальцев к обнаженному запястью сначала полыхнуло оно, а следом и вся я. Вот теперь впору радоваться, что здесь только мы, темнота и свечи.

– Что вы делаете? – почему-то хрипло спросила я. Кусок жаркого неожиданно запросился назад.

– Ничего.

– Ничего? – Я упорно смотрела в тарелку, но он смотрел на меня, и взгляд этот обжигал.

– Пока ничего.

Его пальцы легко скользнули вдоль моего запястья, а потом он убрал руку, и я вздохнула свободно.

– Тереза… за тебя!

Я дотянулась до бокала, глядя на играющие в красном вине блики. Терпкое, сладкое, оно обжигало горло и горчило на губах.

– Как называется это блюдо? Очень вкусно.

Всевидящий, о чем я? Стоит поговорить с ним о вэлейских заклинаниях – мужчин это пугает, а когда он захрапит от скуки, быстро сбежать в спальню. Сбежать?! Тереза, ты ли это? Мысли взбунтовались и отказывались подчиняться, я судорожно пыталась вспомнить историю распростране-

ния, развития и угасания магии, но вместе этого вспоминала его пальцы на своей коже и разливающуюся в груди истому. Вино побежало по венам ленивым расслабляющим теплом. Оказывается, я осушила бокал до дна.

– Утка в апельсиновом соусе.

Я отпилила еще кусочек, искренне надеясь, что не подавлюсь. Не подавилась: утка в апельсиновом соусе и впрямь была восхитительна – мягкая, нежная, сочная. Не в пример мужу, хотя его я есть не собиралась. Мягкий, нежный и сочный Анри? Я с трудом сдержала сдавленный смешок.

Так, нужно срочно успокоиться. И не стоит пить больше вина, зачем он снова мне наливает?

– Вам знакома теория Эдуардо Ране?

Я торжествующе подняла на него глаза: вот оно! Главное – зацепиться за какую-нибудь тему, которой не учат в Университетах. Луиза говорит, что мужчины страсть как не любят чувствовать себя… гм, чего-то не знать, словом.

– Парня, который утверждает, что магия пришла к нам из других миров? Да, я читал книги его ученика. Малькольм Суинн умудрился написать десять томов о том, что уместилось бы в один: давным-давно все миры соприкасались и между ними можно было свободно путешествовать. Именно рядом с гранями рождались первые маги, основавшие империю армалов, которая вознеслась до небывалого величия. Впрочем, в истории армалов есть упоминания о путешествиях между мирами – правда, астральных, так что исключать

такую возможность нельзя.

Минуточку. Это я должна была это сказать.

Я с силой вонзила вилку в утку – ей все равно не больно, она мертвая – и отправила очередной кусочек в рот. Мне нужно было подумать над случившимся.

– Ране путешествовал по местам, которые считал точками зарождения искры. – Бокал чудом не свалился со стола, когда я зацепила его локтем. К счастью, Анри подхватил его и вернул на место. – Он был одержим своей идеей, но в темные времена его сожгли вместе с работами за… как бы это выразиться, введение в заблуждение, ведь согласно этой теории, магия в нашем мире рано или поздно иссякнет. Теорию считают ошибочной, поэтому труды бедолаги Малькольма и по сей день в забвении.

Будем честны, добавить тут нечего.

– Попробуй еще мело, – он подвинул ко мне глубокую тарелку, в которой застыло что-то разноцветное и аппетитное, – запеченные овощи в мятном соусе.

Мело оказалось божественным. Пожалуй, еще немного, и я лопну, но все лучше, чем развлекать беседами супруга. Если бы он не пялился на меня так откровенно, я бы запихнула в себя еще и десерт, но поскольку забылась и раньше запихнула в себя полтарелки мело, сейчас только с сожалением посмотрела на разноцветные пирожные-шарики, наверняка потрясающе вкусные.

– Кто все это готовил?

– Жером.

– Камердинер?

– Жером – мой дворецкий, шеф-повар и друг. У парня вообще бездна талантов. Если скажу, что я ему помогал, ты упадешь в обморок?

– Не надейтесь.

Я смутно представляла себе, как мой муж и его дворецкий, засучив рукава, в передниках для прислуги и колпаках, готовят еду. Анри улыбался, а я снова смотрела на его губы. Определенно, я пьяна: целых два бокала, учитывая, что я не притрагивалась к хмельному уже несколько лет. Зачем я пила? Мне же нельзя расслабляться ни на минуту. Пожалуй, лучше пойти к себе.

– Почему ты такая напряженная?

Потому что вы на меня плохо влияете? Странно влияете? Потому что у меня от вас мурашки по коже?

Я вскинула голову и расправила плечи, вложив в ответ весь внутренний лед:

– Если вы о моей неловкости, то я устала. У меня был тяжелый день. А теперь прошу меня извинить.

Анри приподнял брови, я же успела отдернуть руку до того, как он снова сцапал бы мои пальцы, и поднялась. За ночь я придумаю, как быть с его просвещенностью: что-нибудь посерьезней теории магии, потому что с ним проверенный способ отпугивания джентльменов почему-то не работает. Возможно потому, что мой муж – не джентльмен.

Я не успела сделать и шага, как оказалась в его объятиях, недопустимо близко.

– Ты обещала мне еще один вальс, Тереза. Помнишь?

И снова его рука на талии, а прикосновение обжигает. Кончики пальцев слегка покалывает, а браслет словно раскаляется, когда он прикасается к нему.

– Но здесь нет музыки!

Завтра я буду вспоминать это как кошмар. Хуже того – как дурацкий сон наяву, но сейчас… Анри делает первый шаг, и я следую за ним. Мы действительно танцуем этот донельзя странный вальс после донельзя странного ужина под шуршание платья, дыхание кажется слишком громким, а сердце звучит так, словно я держу его на ладони. В такт движениям пляшут огни свечей, а тени повторяют нас. Это мельтешение напоминает калейдоскоп, в котором отчетливо складывается только лицо мужа. Хочется положить ладони ему на грудь, чтобы слышать и его сердце, а еще хочется его поцеловать – хочется так, что губы начинают гореть.

Это отрезвило: я вырвалась из его рук, быстро подхватила юбки и выбежала из гостиной. Не знаю, что со мной творилось, но мир вертелся перед глазами со всевозрастающей скоростью.

В спальне дожидалась Мэри – почему-то бледная, как полотно. Я вдруг поняла, что забыла справиться о ее комнате.

– Миледи…

Куда определить камеристку? Снова говорить с Анри?

Нет уж! Сейчас я его почти ненавижу за этот танец, а может, ненавижу себя – за то, что снова поддалась. Или за то, что рядом с ним я вообще на себя не похожа.

Тут только я заметила, что вещи до сих пор не распакованы. Сундуки раскрыты, но все на местах. Не только книги, но и платья.

– Миледи, – голос Мэри дрожит, – здесь еще вещи…

– Здесь мои вещи, и ничего удивительного в этом нет, – Анри прошел в спальню, и остановился рядом со мной, обжигая холодом невыносимо теплых глаз, – потому что это и моя спальня тоже.

9

– Вы с ума сошли? – спросила я. Странное томительное оцепенение спало, на смену ему пришло желание придушить мужа подушкой.

– Мэри, ваша комната внизу, – Анри отступил в сторону. – Спускайтесь, вас проводят.

– Мэри, останьтесь.

– Мэри, брысь.

У девушки задрожали губы, а я сжала руки в кулаки.

– Мэри, вы свободны.

Она подхватила свою небольшую дорожную сумку и поспешно выскользнула за дверь, я же подскочила к Анри.

– Думаете, я стану делить с вами спальню?

– Станешь, конечно, – он стянул с кровати верхнее покрывало и пристроил его на стуле.

– Милорд, мы не в Вэлее!

Я невольно повысила голос, и он вспорол тишину, точно сорвавшаяся струна – воздух. Взгляд мужа полыхнул таким льдом, что стоило немалых трудов остаться на месте. Он бесцеремонно схватил меня за локоть и подтащил к окну, где в весенних сумерках Лигенбург расцветал огнями фонарей и светящихся окон.

– Энгерия – по ту сторону стен… миледи, – последнее прозвучало менее жестко, хотя и насмешливо. – Здесь, в

этом доме, все иначе.

Иначе, говорите? Я почувствовала, как раздуваются ноздри – верный признак того, что кто-то перегнул палку. Отняла руку и сцепила пальцы за спиной: слишком велико было желание влепить пощечину. Ох, думаю это помогло бы снять напряжение, которое не оставляло со злополучной ночи в саду Уитморов.

– В таком случае, я пойду спать на улицу.

Лучше я всю ночь на крыльце просижу, чем лягу с ним в постель.

По всей видимости, никто меня останавливать не собирается? Вот и ладно! Я направилась к дверям, не забыв при этом наступить ему на ногу – маленькая женская месть, когда большую себе позволить нельзя.

– Тереза!

Я даже не обернулась, пускай себе орет. А может, и не стану сидеть на крыльце – прогуляюсь по Лигенбургу. На городское кладбище, например. Там склепы красивые, и много призраков, на которых приятнее смотреть, чем на некоторых живых!

Дверь передо мной захлопнулась с оглушительным треском, только чудом на части не развалилась. Никакой магии, исключительно мой проворный муж: спустя миг он уже нависал надо мной, опираясь о стену. Глаза его потемнели, сейчас в них особенно ярко выделялся сияющий золотой ободок.

– И что теперь? – язвительно поинтересовалась я. – За-

прете меня в этой комнате? До тех пор, пока не научусь чтить нравы Вэлеи и исполнять все ваши прихоти?

– Если понадобится.

Анри не повысил голоса, даже в лице не изменился, но я почему-то поняла: посадит. И запрет. В груди разрастался ком жуткой, ледяной ярости – никто и никогда не смел со мной так обращаться! Никто, кроме отца. Я сжала кулаки, сосредоточившись на переливающемся огнями городе, краешек которого было видно из-под его руки. Нельзя позволить себе уйти за грань, нельзя выдавать свою силу. Даже если очень хочется обратить в прах все в этом доме. Даже если очень хочется показать, кто я на самом деле и увидеть, как самоуверенное выражение сползет с лица Анри, сменяясь страхом в демонически-притягательных глазах. Искушение было столь велико, что я оттолкнула его руку и подошла к окну. Пусть наслаждается своей маленькой победой. Пока.

– Вы отпустили мою камеристку. Мне нужна ее помощь, а у вас тут… – Я огляделась. – Даже колокольчика нет.

– Я сам могу раздеть свою жену.

Он… меня… Что?! Я вцепилась руками в застежки на груди, словно Анри уже пытался сорвать с меня одежду.

– Избавьте меня от своей помощи.

– Будешь спать в этом идиотском платье?

– Да у вас просто дар делать комплименты!

– Оно и впрямь идиотское. Если на блондинке смотрелось бы более-менее сносно, тебя просто уродует. Хотя немно-

гим лучше мрачного кошмара, в котором ты вышла ко мне в Мортенхэйме.

Я не успела сказать, что его мнение меня совершенно не интересует – Анри приблизился и уже расстегивал пуговицы на платье. Слова негодования замерли на губах, потому что нежданно кончился воздух: прикосновение его пальцев к шее и к груди отзывались пугающим томительно-сладким теплом в самом низу живота. В этой комнате и отступать-то толком некуда – как в картонной коробке, сплошные стены и углы.

– Уберите руки! – вышло не так резко, как хотелось, и я закусила губу.

Убрал он, как же. Наоборот, положил на плечи – обжигая ладонями, платье медленно сползло вниз – насколько позволяли нижние юбки, а меня развернули лицом к окну. Отбиваться было поздно, тем более что без магии Анри справится со мной в два счета, в щеки ударила кровь. Я с силой вцепилась в занавеси, пульс бухал так, что казалось, сейчас вылетят барабанные перепонки. Ко мне никогда и никто так откровенно не прикасался!

Юбки и кринолин с мягким шуршанием скользнули на пол, я вздрогнула, когда его пальцы прошлись по спине, по кромке нижней рубашки. Шнуровка корсета ослабла, ладони вспотели, и я отдернула их от портьер: не хватало еще, чтобы остались пятна. А потом он вытащил шпильки, но даже сквозь рассыпавшуюся по плечам и спине завесу густых

волос я чувствовала жар и тяжесть его рук.

– Скрывать такие волосы – преступление.

Голос Анри звучал хрипло, горячее дыхание скользнуло по шее, я же судорожно вздохнула, повернулась и встретила его взгляд – золото в его глазах стало ярче, казалось, если выключить светильник, темнее не станет. Сквозь тонкую ткань нижней рубашки просвечивали напряженные соски, я поспешно прикрыла руками грудь и с вызовом посмотрела на него. К счастью, щеки больше не напоминали жаровню, а значит, все в порядке.

– Доброй ночи, милорд.

Вышло холодно и жестко – настолько, насколько это возможно. Я расправила плечи, подошла к кровати и забралась под одеяло. Наволочки тоже пахли лавандой – сумасшедший, резкий запах моего мужа, от которого увы, никуда не деться. Сердце не желало успокаиваться, внутри растекалось болезненно-сладкое напряжение, но я закрыла глаза и отвернулась.

– Доброй ночи, Тереза.

Тыльная сторона его ладони скользнула по моей щеке.

Шаги, стук закрывшейся двери.

Слава Всевидящему! Может, он сова, как мой брат. Тогда я буду просыпаться раньше, чем он ложится, и не придется делить с ним постель.

Собачий лай, цокот копыт, чьи-то окрики, грубый говор,

смех, шум. В Мортенхэйм приехал бродячий цирк?

О, Всевидящий!

Не будучи истинно верующей, я за последнее время столько поминала Святой Разум, что пора бы уже начинать ходить на службы. А может, стоит отправиться в монастырь, как можно дальше от Лигенбурга – по крайней мере, там не увидишь с утра пораньше мужа, застывшего у окна спиной ко мне. Он что, и спал рядом со мной так?! Полностью обнаженным?!

Широкие плечи, мощная красивая спина, подтянутые ягодицы, и… я зажмурилась, снова открыла глаза, чтобы спуститься взглядом вдоль сильных ног и уткнуться в ковер с разноцветными узорами-загогулинами. Нет, я конечно изучала анатомический атлас, но мужчина в разрезе – это немного другое. И да, я ухаживала за Луни, но это тоже немного другое. Он не вызывал у меня столь однозначных желаний пробежаться по коже подушечками пальцев, почувствовать под ладонями напряженные мышцы…

И передо мной не Альберт.

На этой мысли я влепила себе пощечину – хлестко и больно, даже слезы на глаза навернулись.

Анри бросил на меня пристальный взгляд и присвистнул.

– Не поворачивайтесь, – прошипела я, прижимая ладонь к пылающей щеке.

– Мне тут всю жизнь стоять?

– Накиньте халат и идите, куда хотите.

Желательно, сразу в Вэлею. Хоть рысью, хоть галопом.

– Халат остался в ванной.

– Тогда простыню!

Голос мой звенел, грозя разразиться визгливыми нотками, как у поросенка. Я сгребла тонкую ткань в охапку и швырнула ему. Анри с легкостью поймал ее и намотал вокруг бедер.

– Так пойдет?

Он повернулся, открыв мне широкую грудь с темными сосками и золотистой порослью, плоский живот и дорожку волос, уходящую под плотную белую ткань. Я бы предпочла, чтобы он замотался в нее с головы до ног, как наложница намийского шейха, но за неимением лучшего…

– Позволь? – Он приблизился ко мне, и мягко сжал мои пальцы, отнимая ладонь от щеки. Я вздрогнула, когда его губы коснулись болезненно горящей кожи, а следом меня окатило нездоровым пугающим желанием продлить контраст этой ласки. Впрочем, она была короткой и острой: Анри отстранился непростительно быстро.

– Приводи себя в порядок, я позову твое милое создание…

– Мэри.

– Точно. Как долго она у тебя?

– С тех пор как я выезжаю.

– Замечательно. Мы позавтракаем, а после я отвезу тебя в одно интересное место.

Спасибо, что спросили, хочу ли я в интересное место.

– Я никуда не собираюсь.

– Считай, уже собралась.

– Куда именно?

– Это сюрприз.

– Я не люблю сюрпризы.

– Хочешь, чтобы я перекинул тебя через плечо и тащил по улице?

Почему я не сомневаюсь, что он на это способен? А я способна размазать его ровным слоем аккуратной серой пыли по стене, но не могу себе этого позволить.

– Не утруждайтесь, просто запихните меня в экипаж.

Я вылезла из постели и закуталась в покрывало. Не знаю кто как, но в нижней рубашке и панталонах было крайне неловко. Сидя перед зеркалом в таком виде, я напоминала себе хмурый могильный холмик, Анри одевался, а я продирала волосы, кляня всех, кого только можно. Волосы – это единственное, что во мне есть красивого: темные, густые, волнистые, но оно же и хлопот доставляет немерено. Длинные – до самой талии, если их вовремя не расчесать, как вчера вечером, с утра на голове кавардак, который можно привести в порядок только через боль.

Сама виновата!

Сюрпризом оказался магазин готового платья. Да-да, настоящий магазин, где готовые платья были выставлены на

продажу. Не пошитые по меркам, не образцы, полностью готовые! Располагался он в центре, в нескольких кварталах от нашего дома, вывеска гласила: «Модный дом мадам Гренье», а в витрине застыли манекены, тоже очень странные, сделанные как большие куклы – с одной стороны блондинка в бледно-голубой кисее, с другой – брюнетка в ярко-синих шелках.

– Ничего подобного раньше не видела.

– Неудивительно, магазину меньше двух месяцев. В Ольвиже многие давно перешли на готовые платья.

Надо же, в Лигенбурге недавно, а знает его лучше меня.

Да и чудно́ как-то. Как можно носить наряд, который сшит не на тебя? Он же не по размеру, может подметать пол или открывать щиколотки, наверняка тут топорщится, там топорщится… если вообще сядет.

– Хлоя Гренье – уроженка Лавуа. Ее модные дома славятся своими нарядами, по сути, она задает моду, остальные пытаются повторить. В Ольвиже у нее салон, не сравнимый с этим. Впрочем, и конкуренция в Вэлее немаленькая. Пойдем.

Невысокая седовласая дама, подтянутая и стройная, точно тростиночка, вышла к нам из-за прилавка, стоило дверному колокольчику звякнуть. Правда, в тростиночке скрывался бамбук: стоило ей бросить быстрый взгляд на девушек-помощниц, устроившихся на диванчике в стороне, как те мигом подскочили.

– Добрый день, господа. Чем могу помочь?

– Добрый день, мадам Гренье.

Строгое лицо тронула улыбка, стоило хозяйке услышать вэлейскую речь, я же стояла и пялилась на женщину, забыв о приличиях. Мало того, что у нее свое дело, так она и законодательница моды! Приехала в другую страну, сама выходит к покупателям? Нет, я чего-то определенно в жизни не понимаю! Или в вэлейцах.

– Моей супруге желательно подобрать несколько нарядов, на ближайшее время. Перчатки и шарфы. И еще – у вас есть ажурные чулки и пояса к ним?

Мадам кивнула и что-то быстро сказала одной из помощниц, которая тут же куда-то убежала.

Я метнула на Анри убийственный взгляд, а когда он наклонился ко мне, прошипела на ухо:

– Какие еще чулки?!

– Ажурные.

– Мне не нужны наряды, милорд, я готовилась к сезону, и в моем гардеробе нет лишних мест.

– В твоем гардеробе три с половиной приличных платья, остальные стоит отнести на помойку.

Интересно, что он посчитал за половину? Лиф или юбку от темно-сливового? Я недобро прищурилась.

– Не вам их носить.

– Нет, но мне ходить с тобой на приемы. И мне не безразлично, что в этот момент будет на тебе надето.

Дальше этот крайне вразумительный разговор не пошел,

потому что я подавилась воздухом, а мадам Гренье воспользовалась заминкой с профессиональным коварством.

– Как я могу к вам обращаться? – Несмотря на возраст, голос у нее был певучий и мягкий.

– Леди Тереза.

– Приятно познакомиться, леди Тереза. Вы можете называть меня Хлоя. Это моя помощница Джоан. Какие цвета вы предпочитаете?

– Яркие, – донеслось из-за спины.

Я его сейчас убью. И честно сознаюсь во время следствия, что он решил, будто я проглотила язык.

Меня увлекли к манекенам, девушка следовала за нами тенью, вслушивалась в каждое слово и вглядывалась в каждый жест, когда мадам показывала мне фасоны и объясняла, чем один вид ткани отличается от другого, как комбинируются украшения и кружево. Столько о нарядах не знала даже Луиза, поэтому в голове все перемешалось в кашу. Магазин оказался просто огромный – если в Ольвиже еще больше, я просто не представляю куда. Это же просто рай для Лави!

Мы прошли сквозь несколько рядов манекенов, утопая в море платьев. Перед глазами пестрели бесчисленные цвета и самые разные ткани – от нежной девичьей кисеи до утонченного атласа и шелка, роскошной яркой парчи и шикарного темного бархата, но мысленно я почему-то все равно возвращалась к тому, что увидела на витрине. Никаких украшений-рюшечек-цветов, только ленты на лифе, кружева на

рукавах, да ткань на юбке присборена и ниспадает мягкими волнами. Мне никогда не нравились такие фасоны: с откровенным, почти вызывающим декольте, но это запало в душу.

– Как вы думаете, мне пойдет то платье?

Мадам быстро взглянула на манекен.

– Вполне. Желаете примерить?

Я не собиралась ничего покупать, но было уже поздно. В примерочной хватило одного взгляда в зеркало, чтобы я влюбилась в струящийся невесомый шелк, который сел точно по фигуре. Нигде ничего не топорщилось и не задиралось, рукава облегали плотно, как и лиф. Оставить это платье для другой казалось кощунством, но взгляд Анри за моей спиной – пристальный, тягучий, жаркий – отрезвил.

Я выпуталась из платья и, пока Джоан помогала мне одеться, смотрела только перед собой.

– Вам понравилось?

– Слишком яркое для меня.

– Что-нибудь еще желаете примерить?

– Нет. Спасибо, но я пока не готова сделать выбор.

Я попрощалась с мадам и ее помощницей, быстро прошла мимо Анри и мимо девушки, разложившей на прилавке легкий газовый шарф. Только оказавшись на улице, выдохнула из сердца лед и скрестила руки на груди. Волшебство этого места творило чудеса: мне впервые отчаянно захотелось дразнить. Накатило незнакомое желание быть красивой – не для Альберта, не для кого-то еще. Просто так.

За спиной звякнул колокольчик.

– Тебе понравилось.

Я упорно смотрела в другую сторону.

– Не когда вы были моим голосом.

– Тебе понравилось платье. Сложно было об этом сказать?

Единственное платье, которое мне по-настоящему понравилось за много лет. Нет, не так. Единственное платье, которое я по-настоящему захотела, но его у меня не будет, потому что сюда меня привел Анри.

– Меня не интересуют наряды, милорд. Об этом я уже говорила, – мой голос сочился яростью и раздражением. – Я буду одеваться так, как нравится мне. И впредь постарайтесь, чтобы ваши сюрпризы совпадали с моими интересами. Если, конечно, вы сами не любитель женского платья. Так мне вас подождать?

– Ты до глубины души оскорбила мадам Гренье.

– Если она такая ранимая, ей следует сидеть дома, а не вести дела.

– Хлоя искренне любит то, чем занимается. Настолько, что оставила все дела в Вэлее и приехала сюда, чтобы обучить девушек общению с покупателями.

– Откуда вы все это знаете?

– Потому что я интересуюсь не только собой. А теперь подожди, мне нужно расплатиться за ленты.

– Будете плести себе косы?

– Буду связывать тебя, – впервые за время нашего знаком-

ства в его голос ворвались действительно резкие нотки. Не насмешка, не превосходство, а что-то отдаленно похожее на ярость. Надо же! Кажется, мне удалось зацепить его непробиваемое великолепие. Отлично! Буду продолжать в том же духе.

Анри скрылся за дверями, а я с сожалением бросила последний взгляд на манекен, над которым хлопотали девушки, поправляя мое-ничье платье. Краски весеннего дня – солнечного и теплого, вдруг немного поблекли. Я отвернулась и отступила под навес антикварной лавки, стараясь не замечать текущий по улице людской поток. Смотрела на залитую солнцем мостовую и думала о том, что завтра первый день лета. Каким он мог быть, если бы в моей жизни не появился Анри? И если бы этот магазин мы нашли вместе с Луизой?

Снова звон колокольчика.

– Немного прогуляемся.

В руках у Анри сверток, на солнце его глаза почему-то кажутся совсем темными. Даже темнее, чем у Винсента.

Надеюсь, он не потащит меня на площадь, потому что с каждым часом народу будет становиться все больше и больше, а это ничем хорошим не кончится.

Я взяла Анри под локоть, и мы направились по улице.

Все дальше и дальше от платья.

Не страшно, мне все равно некуда его надевать. Я не пользовалась популярностью даже будучи сестрой герцога, что

уж говорить о графине де Ларне.

10

Я снова подожгла договор. Пробормотала слова заклинания, пространство под пальцами всколыхнулось – и по бумаге в который раз побежало серебристое магическое пламя. Сгореть не сгорит конечно, но хоть душу отведу.

Сначала сияние охватило строчку:

Анри Феро, граф де Ларне и леди Тереза Биго

Потом перечисление имен родственников, их регалий, земель и прочей прелести – в самом деле, как в родословной элитного скакуна. А почерк красивый, каллиграфический. Руки бы оторвать этому писаке.

> *…по достижению своего полного совершеннолетия, то есть когда младшему из супругов исполнится семнадцать, становятся мужем и женой. Скрепление договоров должно произвести поцелуем по взаимному согласию…*

Серебро поглотило и наши супружеские обязанности – к счастью, не расписанные в интимных подробностях, и подписи, которыми служили капельки крови.

– Развлекаешься?

Давно не виделись, целый час.

Я упорно смотрела на пылающий в огромном блюде договор. Стоило сиянию померкнуть, как я подхватила про-

клятую неубиваемую бумагу и разорвала ее на две части. А потом с сожалением наблюдала, как срастаются края, точно мигом заживающая рана. До этого я успела несколько раз сжечь его в камине, разодрать на мелкие клочки, даже обратить в прах, но договор возвращался как зацикленный призрак. Он выбирался из таких ситуаций, которые не пережить никому, при этом выглядел как новенький. Я же чувствовала себя идиоткой.

– Хочешь прогуляться?

В Лигенбурге? С вами?

– Увольте.

– Подышать свежим воздухом?

– Свежим смогом, вы хотели сказать.

– Все настолько ужасно?

В Мортенхэйме мой день открывала прогулка – стремительный полет с Демоном по парку, потом я спускалась в подземелье, где магия струилась через меня потоками силы, после обеда читала, а вечером бродила по замку. Мне нравилось погружаться в потусторонний мир или просто сидеть в одном из дальних коридоров, размышляя о прочитанном. В этом доме и библиотеки-то нет. Так, жалкие десять полок в кабинете Анри, заставленные какой-то ерундой по новейшей истории, а еще всякие новомодные научные изыскания. Винсент запрещал вывозить из библиотеки Мортенхэйма хотя бы что-то, поэтому я захватила с собой только личные книги – работы древних философов в четырех и восемнадцати то-

мах соответственно, да еще легенды армалов. Но это не считается, потому что я знаю их наизусть.

– Все просто замечательно! Я проснулась рядом с… не жалующим одежду мужчиной, побывала в модном салоне, а сейчас пытаюсь сжечь то, что сжечь нельзя.

Анри устроился рядом со мной на диване, мне же пришлось приложить усилия, чтобы остаться на месте. Невозможно постоянно от него бегать – он везде. Окна маленькой гостиной в темно-синих тонах выходили во двор, но предзакатное солнце добиралось и сюда, стекало с крыш, расползалось по камням и стенам соседних домов. В таком свете волосы Анри горели огнем, и я невольно сжала кулаки – слишком велико было искушение прикоснуться.

– Идеальный женский день.

– Мне жаль женщин, которые вам попадались.

– А мне мужчин, которые попадались тебе.

Все, с меня хватит!

Я решительно поднялась, но меня схватили за запястье, на удивление резко и аккуратно дернули вниз – так, что я повалилась на мужа, оказавшись в тисках его сильных рук. Пальцы скользнули по затылку, и по телу прошла пугающе-приятная дрожь. От прикосновения горячей ладони меня тряхнуло, как от переизбытка силы, а потом он потянул за волосы, заставляя запрокинуть голову. Губы обожгли шею, обожгло меня всю – от пяток до корней волос.

– Уберите руки.

Стоило почувствовать свободу, я с силой уперлась ему в грудь, оттолкнула, чудом не свалившись на пол. Анри не двинулся с места, только приподнял бровь. Желание отвести взгляд было непреодолимым, вместо этого я вскочила. Думает, что эта неубиваемая бумажка с нашими именами заставит меня выполнять все его прихоти? Считает себя неотразимым? Да меня воротит от его самоуверенной полуулыбки!

– Вы вломились в мою жизнь, притащили в этот сарай, и считаете, что имеете на меня все права! Да у вас здесь… даже почитать нечего!

– Нечего почитать?

Он поднялся столь стремительно, что я не успела отшатнуться. Схватил меня под локоть и потащил прочь из гостиной, втолкнул в кабинет. Не представляю, как тут можно работать: даже клетка у цирковых обезьян больше, чем эта заваленная коробками и бумагами захламленная каморка!

Анри распахнул дверцы шкафа так, что они чудом не сорвались с петель, вытащил толстенную книгу и небрежно швырнул на стол. Она проехалась по столу, сметая бумаги и пенал, одного взгляда на обложку хватило, чтобы щеки загорелись сильнее, чем от утренней пощечины. Название на маэлонском – «Искусство любви», и весьма красочная картинка: женщина возлежит на огромном расписном ковре, а мужчина устроился между ее бедер. Он крепко прижимался к ней, а она запрокинула голову, запустив пальцы в его волосы. Маэлонские художники всегда уделяли внимание де-

талям – настолько, что я даже услышала срывающиеся с ее губ стоны. Гортанные, низкие.

– Изучи на досуге.

Стыд опалил кровь, вместе с ним по венам побежала злоба. Жгучая, неотвратимая, раздирающая. Да как он посмел?!

– Вы перепутали меня с гулящей женщиной? Или с одной из тех несчастных, для которых идеальное утро – проснуться ослепленной вашим сиянием?

Деликатности ради не будем уточнять, что именно сияло.

Уголки его губ едва уловимо дернулись, я же холодно улыбнулась и подтолкнула книгу обратно.

– С этим вам прямая дорога к ночным бабочкам. Если поспешите, как раз успеете вовремя.

– Зачем? – Золото в его глазах стремительно наливалось тьмой, от низкого сильного голоса все внутри перевернулось. – У меня есть жена.

Он в мгновение ока оказался рядом: я не успела слова сказать, как Анри уже прижимал меня к столу. Стянул с моей руки перчатку, сплел наши пальцы и поднес к лицу сияющие золотом браслеты, точно утверждая власть надо мною. Я подавила желание зажмуриться, отвечая ему яростным взглядом.

– Которая вовсе не горит желанием быть ей. Но вас же это не волнует, так?

Пальцы сжались сильнее, но я не пыталась освободиться.

– Равно как и многое другое. Деликатности в вас, как в

слоне изящества. Не знаю, кто вас воспитывал, и надеюсь никогда не узнать…

Я осеклась – о лед в его глазах порезаться можно до крови. Тем не менее, голос звучал безразлично:

– Все не можешь забыть мне танец и своего любовника?

Любовник? О ком он…

Меня тряхнуло, переворачивая все, что я затолкала на дно души: надежду, когда Альберт входил в наш дом – на случайный взгляд, на лишние несколько минут рядом. Низкий голос, взгляд, сбивающий дыхание, когда он склонялся, чтобы взять мою руку и поцеловать пальцы. Его улыбку – тонкую, постоянно ускользающую. Разговор в бальной зале Уитморов. Бешено бьющуюся на шее жилку, когда я выдохнула признание вместе со своим сердцем.

И приговор: «Откровенность за откровенность, Тереза. Я женат».

Зола перегоревшей боли заполонила грудь, мешая дышать.

Этот… своими грязными лапами… своей мерзостью, пошлой, низкой, постыдной примитивной… Убью!

Меня подбросило, как ураган подхватывает бревна и крошит их в щепки, я с силой оттолкнула Анри. Холод расползался по кабинету, заполняя собой каждый уголок. Краски померкли, я позволила силе свободно течь сквозь меня, собираясь холодом на кончиках пальцев. Если бы можно было уничтожить магический договор – я бы с удовольствием это

сделала, прямо у него на глазах! Но сейчас просто подхватила попавшиеся под руку листы и швырнула в это самоуверенное лицо, с наслаждением отмечая как они рассыпаются пеплом в мертвом сгустившемся воздухе.

Анри перехватил тлеющую крошку раньше, чем я успела сделать вдох, медленно разжал кулак, позволяя бумажному праху ссыпаться вниз, а потом опустил руку. На грани все воспринимается иначе, изнанка жизни накладывает отпечаток на облик живого и неживого. Вот и сейчас передо мной стоял невероятно бледный мужчина с залитыми сединой волосами. В тишине смерти сердца бьются отчаянно громко, точно набат. Только что я смотрела в бесцветные глаза, надеясь увидеть, как изумление сменяет страх – и вот уже меня резко швырнуло назад, в жизнь. По кабинету разливалось золотистое сияние, от которого… становилось темнее, точно оно поглощало свет, выпивало каждую его частицу изо всего, к чему прикасалась. Оно растекалось по мебели, портьерам, корешкам книг: ослепительно-яркое и в то же время превращающее кабинет в глухой склеп. Не менее смертоносное, чем моя тьма.

Нет! Не может быть!

Армалы называли обладающих такой силой хэандамé – «поглотители». Если правильно помню, последнее упоминание о них встречалось задолго до начала Новой эпохи. Любой, даже самый могущественный маг, не способен противостоять этой дряни: она разрушает все чары и плетения. Судя

по летописям, крайне болезненная мерзость, вытягивающая силу. Способная навсегда лишить магии.

Анри приблизился вплотную, и тонкая золотая дымка последовала за ним. Она затопила кабинет целиком, оставив нетронутым лишь кружок пола, на котором стояла я.

– Не смей мне угрожать, – голос его оставался спокойным, но вибрирующая в воздухе сила и опасность, исходящая от нее, иглами впивалась в кожу.

– Откуда вы вылезли? Таких больше не существует!

– Серьезно? – Анри приподнял брови – очевидно, на большее проявление чувств он не способен. – И это говорит та, что обратила в тлен стопку бумаги?

Последнее было сказано насмешливо, я же сцепила зубы. Я обещала Винсенту не показывать силу, но этот мерзавец перешел все границы!

– Напомни, когда почил с миром последний некромаг?

– Семь столетий назад, – процедила я.

– Все верно, – Анри протянул руку, и золотистый флер потянулся за его пальцами ко мне, застыл в нескольких дюймах от лица. – Для современного общества мы с тобой такие же уродцы, как заспиртованные бедняги, что хранятся в анатомическом музее Эльмина Ланже. Женщина-некромаг… Покажи свою силу любому другому – и от тебя будут шарахаться. Даже так называемые сильные некроманты, способные вытянуть умершего на пару часов.

Круг стремительно сужался. Подавив желание отдернуть

подол от смертоносного золота, я метнула на мужа убийственный взгляд.

– Извинись, Тереза.

Я словно услышала голос отца, режущий, болезненно-громкий: «Просите прощения, Тереза. Возможно тогда я смягчу ваше наказание».

Девчонка, что все еще жила во мне, съежилась, но что-то толкнуло мои плечи ввысь, какая-то невидимая пружина. Я никогда не склонюсь, никогда и ни перед кем!

– Ненавижу вас! – прошипела я и стремительно шагнула вперед.

Но вместо жалящей боли почему-то почувствовала, как меня вмиг оторвали от пола и подхватили на руки. Сердце, ухнувшее вниз, забилось с удвоенной силой. Анри пинком распахнул дверь, потащил меня к лестнице. Я неосознанно вцепилась в его руку, вдыхая ставший уже привычным запах луговых трав и шоколадной горчинки, до боли кусала губы. Мои пальцы противно тряслись. Да что там, во мне тряслось абсолютно все. То ли мглой захлестнуло, то ли просто дошло, что я могла натворить.

Со дня как во мне проснулась магия – дикая, необузданная, непростительно могущественная для женщины, я ни минуты не чувствовала себя обычной. Обычной – то есть просто женщиной, как матушка, Луиза или остальные. Их силу оставили медленно угасать, они так ни разу и не почувствовали ее по-настоящему. Ну ладно, Луиза почувствовала

ненадолго, но это скорее исключение. Лишиться магии – все равно что разом выпустить всю кровь под затихающие судорожные рывки сердца.

– Некоторым голова нужно исключительно чтобы есть, – в спальне Анри усадил меня на кровать и встряхнул так, что голова мотнулась, как у куклы, – смотри на меня! Живо.

– Вы сами все это устроили! – Меня продолжало колотить, но теперь уже от злобы. Он же наклонился ко мне, вглядываясь в глаза: пристально, точно собирался отыскать там ответы на все вопросы мира, потом отступил и сложил руки на груди.

– Ну и что прикажешь с тобой делать?

– Делайте, что собирались, – голос дребезжал как расшатавшееся стекло в прогнившей раме.

Я закрываю глаза и стараюсь дышать спокойнее, но покрывало трещит под моими пальцами. Мне нечего ему противопоставить, я даже не смогу защищаться: после стольких лет могущества впервые чувствую себя никчемной и жалкой. Надеюсь, все закончится быстро и будет не слишком противно. За окнами кипит жизнь – доносятся крики возницы, голоса, цокот копыт. Кто-то заливисто смеется, оглушительно верещит чей-то пес, но здесь, в комнате, тишина. Удушающе-вязкая, тяжелая.

Треск двери, ударившейся о косяк. Какое-то время я просто сижу, потом открываю глаза и вижу расползающуюся по стене тоненькую трещину. Руки продолжают дрожать, меня

словно ломает изнутри: корежит, знобит, вытряхивает сгустки страха и напряжения. Я обхватываю себя руками и валюсь на кровать, свернуться клубочком не позволяет кринолин, и от этого накатывает острое ощущение уязвимости. В голове одна-единственная глупая мысль: если так пойдет дальше, нам придется переехать в Мортенхэйм, потому что этот дом развалится задолго до свадьбы Луизы и Винсента.

11

Все балы похожи один на другой, ничего интересного. Одни и те же лица, одни и те же приторные любезности, одни и те же разговоры. Даже порядок танцев один и тот же. Особняк лорда и леди Висмор больше, чем у Уитморов, а вот сад совсем крохотный, всего четыре дорожки. Правда, на улицу сегодня не выберешься – там проливной дождь, гости растекаются по дому, кто куда. С позволения хозяйки я облюбовала библиотеку: у них она небольшая, но несколько столов отделены друг от друга непрозрачными ширмами-закутками. Очень удобно, если хочешь остаться незамеченной.

Со вчерашнего дня у меня только и мыслей, что о магии хэандаме. Или правильнее будет сказать – антимагии? Анри вел себя так, будто ничего не случилось, я же невольно возвращалась к нашему разговору. Не сильно он удивился жене-некромагу, как если бы заранее знал обо мне все – отец и его родители наверняка обсуждали перспективы семейного союза. Будь я в Мортенхэйме, перекопала бы уже всю библиотеку, сейчас же оставалось сидеть и строить догадки, что интересного Уильям де Мортен надеялся вывести во внуках.

К счастью, сегодняшнее утро обошлось без сюрпризов: судя по тому, что вторая подушка оказалась не примята, Анри спал в другой комнате. Когда мне заявили, что мы приглашены к Висморам, я сразу предупредила, что танцевать

не намерена. Если ему угодно тащить меня в свет, придется искать себе другие развлечения: рядом с ним мне с каждой минутой становилось все более неуютно. Во-первых, я не привыкла чувствовать себя слабее кого бы то ни было. А во-вторых, не привыкла чего-то не знать – например, о хэандаме я помнила только то, что они были. Когда-то давно.

От невеселых размышлений отвлек скрип двери и громкий возбужденный шепот Лави.

– Тереза! Вы здесь? Леди Адель сказала, вы пошли сюда.

Меня выдавал свет лампы, но я все-таки приподнялась и помахала сестренке рукой. Лавиния, точно солнечный ураган в своем желтом платье – раскрасневшаяся и счастливая, подбежала ко мне и схватила за локоть.

– Почему вы не танцуете?

– Не хочется.

– Матушка ищет вас, чтобы поговорить!

Лави опустилась на соседний стул, перевела дух и мазнула равнодушным взглядом по раскрытой книге – «Плетения и прогресс». Новенькая, еще пахнет типографской краской. Один умник совсем недавно написал труд о перспективах совмещения науки и магии. Ерунда, конечно, но за неимением ничего лучшего можно и теоретиков-фантастов почитать.

– Не сомневаюсь. Будет рассказывать, как мне повезло.

– Вам не нравится граф де Ларне? – Глаза Лави стали как у совенка.

Я пожала плечами.

– Но он же такой… такой… веселый, красивый… замечательный!

Не замечала его замечательности.

– Расскажите лучше, как дела дома?

– В Мортенхэйме мы почти не бываем – сейчас каждый день балы и приемы. – Лави закусила губу и понизила голос, хотя кроме нас в библиотеке никого не было. – Винсент по-прежнему злой, два раза чуть не поссорился с матушкой. Они с Луизой до сих пор не разговаривают.

Странно, обычно эта парочка мирится быстро, но тут видимо каждый решил показать характер. А я все думала, почему их нет на балу.

– Я скучаю по вам, – она опустила глаза и принялась теребить атласный бантик на юбке.

Слова отдаются неожиданным теплом в сердце. Мы никогда не были особо близки, из-за разницы в возрасте и воспитании. В меня вбивали знания и силу, в нее – женские прелести, ускоренный курс которых пыталась скормить мне Луиза. Матушка решительно отказалась приглашать преподавателей, чтобы развивать в Лави магию, ведь «для леди это не главное», наверстывать упущение тайком от нее приходилось нам с Винсентом. Я частенько доводила сестру до слез, потому что Лави не самая послушная ученица, а терпение – не мой конек.

– Ох! Что я вам сейчас расскажу!

Неловкий момент надолго не затянулся: она шустро обло-

котилась о стол, подперла подбородок руками. Глаза загорелись, губа закушена.

– Я сегодня снова танцевала с виконтом Эрденом!

Майкл Эрден – юнец, который увивался за Луизой? Кажется, из-за него вспыхнула их с Винсентом ссора: она отдала виконту два танца, а брату эту не понравилось.

– Он все время меня приглашает. На всех балах!

– Гм.

– Мне кажется, между нами возникло что-то вроде… симпатии.

Этой истории любви ничего не светит. Братец весьма злопамятен.

А вот у Лави в голове мало что держится, да и долго сидеть на месте не выходит. Она вскочила, сжала мою руку и прошептала:

– Буду рада, если все-таки решите потанцевать.

Долго побыть в тишине не удалось, стоило мне вновь углубиться в чтение, как зазвучал смех, точнее – тонкое хихиканье. Высокие девичьи голоса взрезали тишину визгливыми нотками.

– А здесь, кажется, никого нет?..

Я едва успела прикрутить пламя светильника, как в библиотеку ворвалась стайка молодых девиц. Мужчины по традиции удаляются в гостиную, где курят и обсуждают политику, женщины – в музыкальный салон, где им положено играть или петь. А юные особы стараются найти укромные ме-

ста, где можно поговорить о кавалерах.

– Представляете, как ей повезло? Да, он вэлеец и ведет себя странно…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.